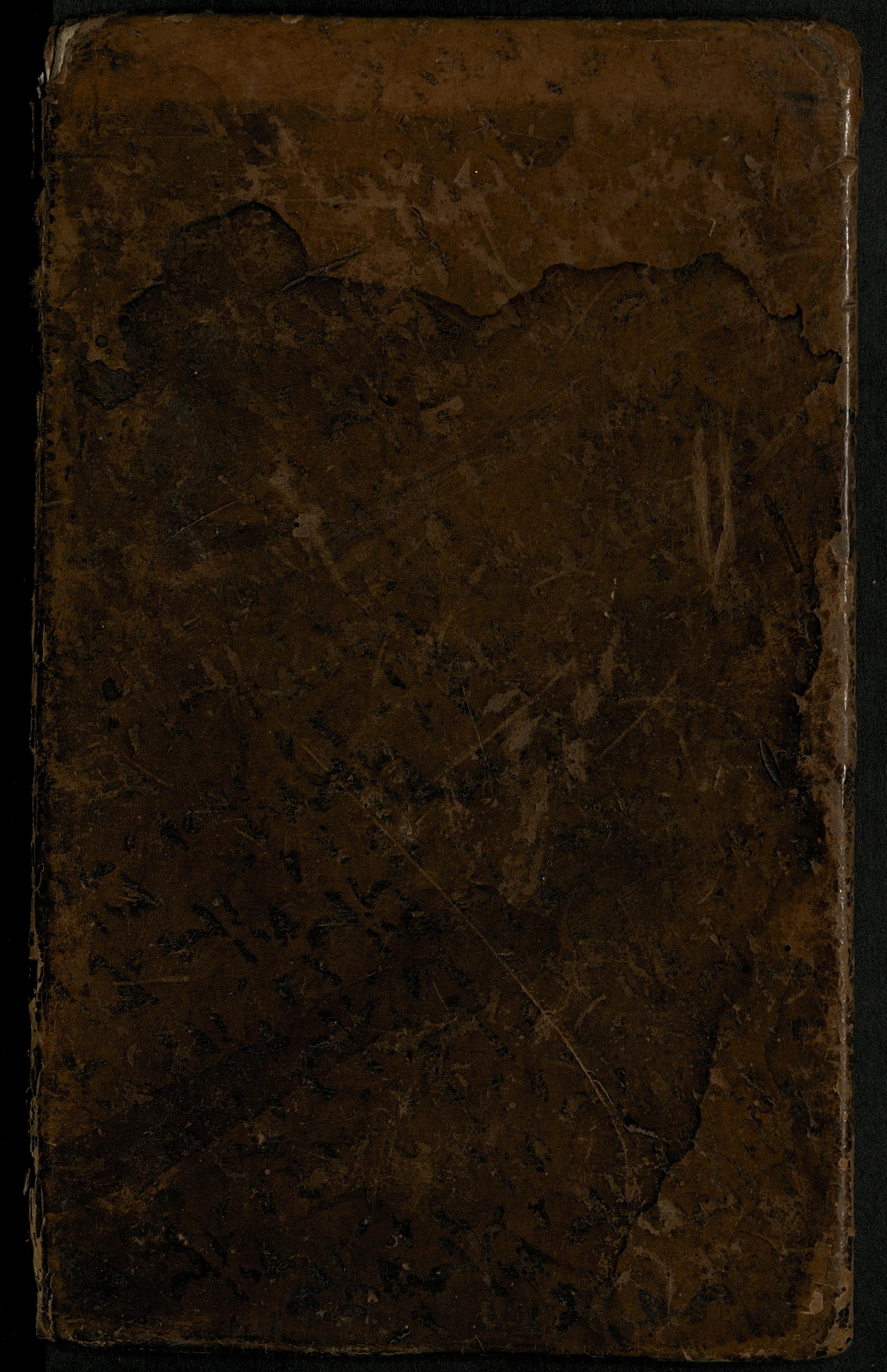
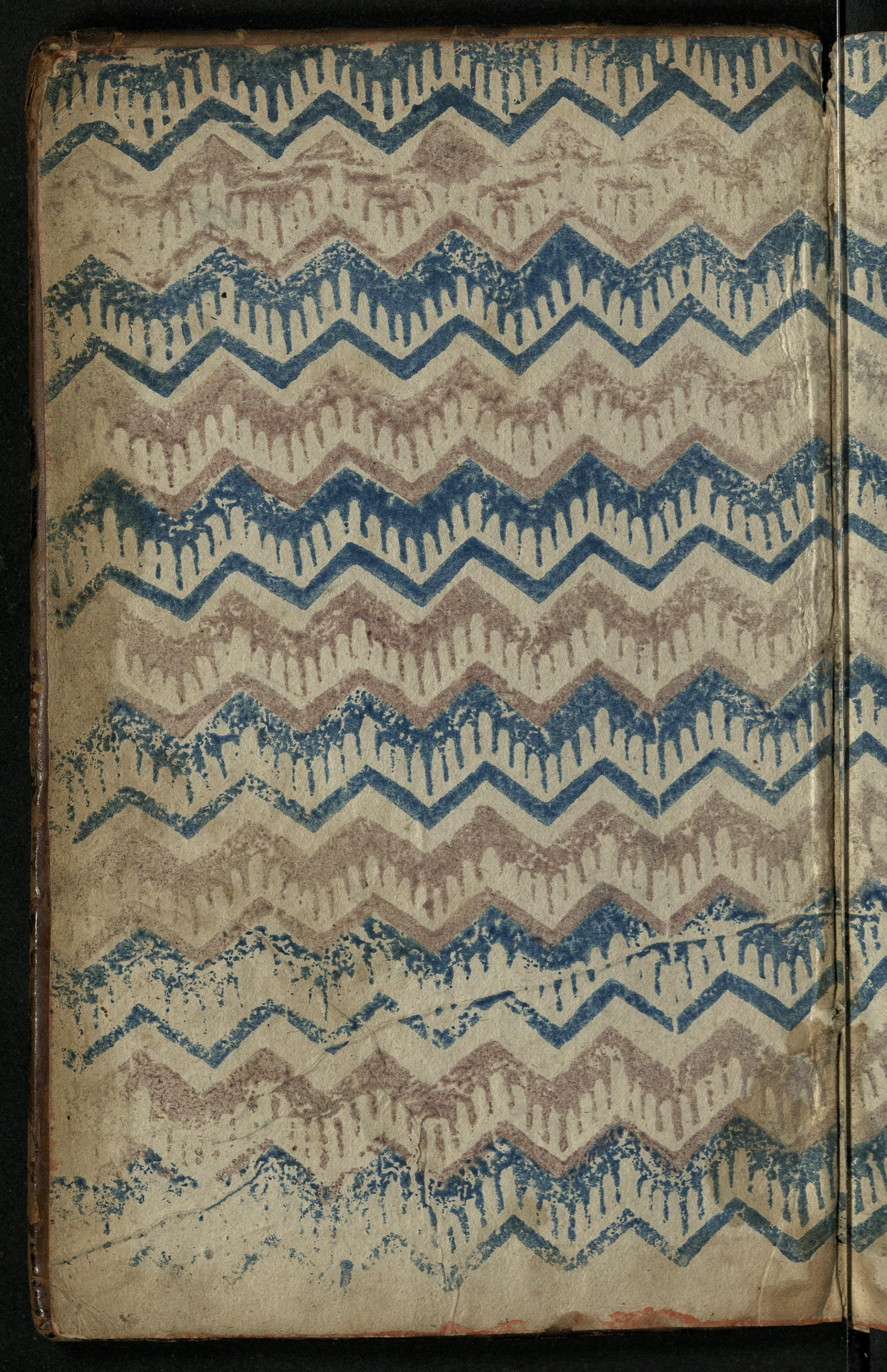
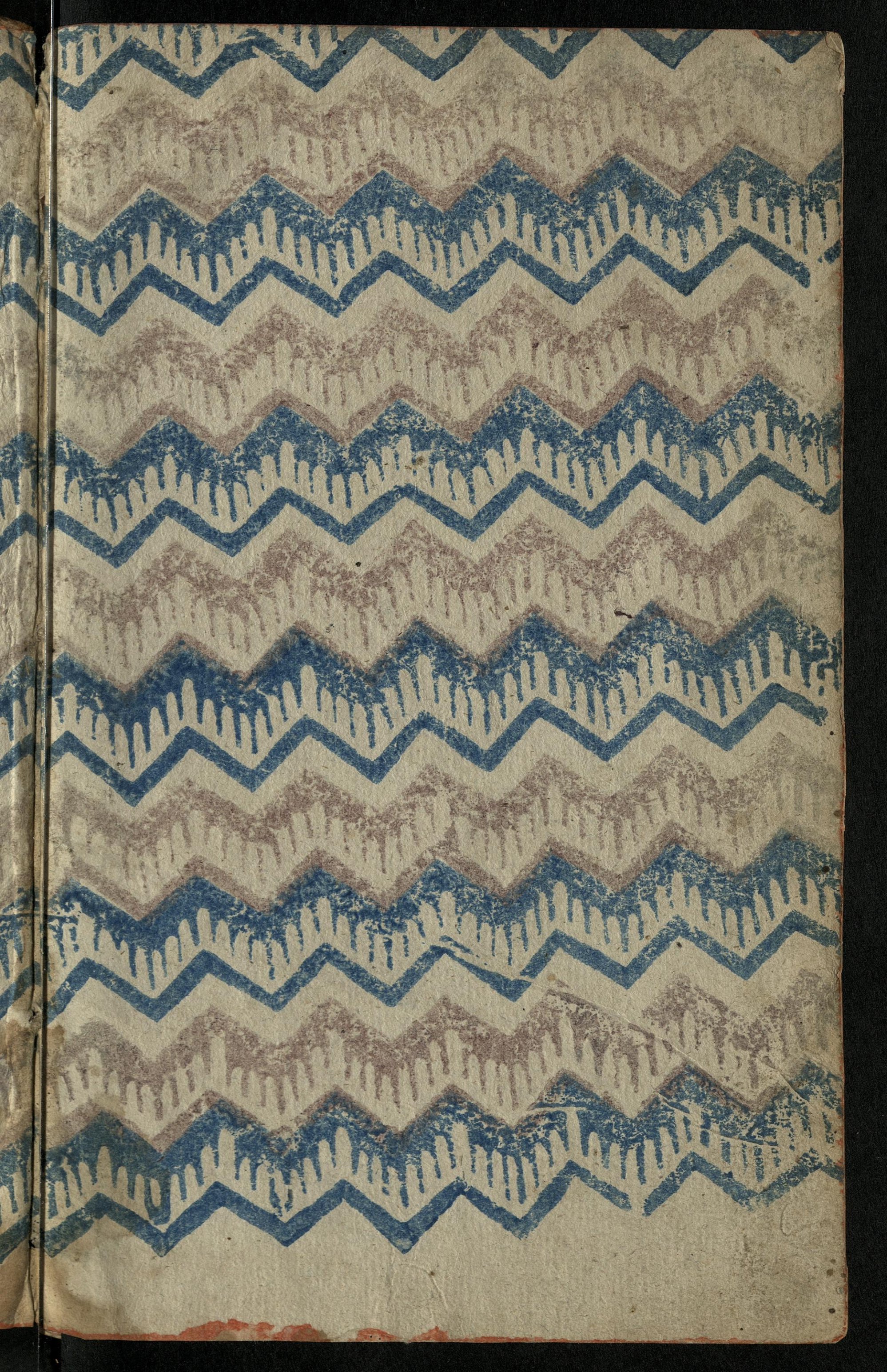

Берни, Френсис
3-й экз.

ЕВЕЛИНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЕВЕЛИНА,

или

ВСТУПЛЕНІЕ

ВЪ СВѢТЪ

МОЛОДОЙ ДѢВИЦЫ.

Переводъ съ Французскаго, сличенной съ Аглинскимъ оригиналомъ, сочиненія Мисъ Бурней.

Съ одобренія Московской Ценсуры.

МОСКВА, 1798.

ВЪ Университетской Типографіи, *у Ридигера и Клаудія.*

Къ ЧИТАТЕЛЮ

Отъ трудившагося въ переводѣ.

Природа не всегда съ надеждой намъ ласкаетъ,
Взоръ часто обольстя и сердце увлекаетъ:
Во излїянїи своихъ даровъ нравна,
Подъ сими стелетъ пухъ, подъ тѣми тернъ она,
Оратаямъ за трудъ воздѣланья, заботы,
За вѣрны сѣмена не лестны шлетъ щедроты;
Лишь только мнимъ вкушать обильные плоды,
Изумлены, воспять влечемъ свои слѣды:
Сїя всеобща Мать, насущный нашъ питатель,
Сколь часто мачихой бываетъ къ намъ читатель!
Ты выйди на поля и брось лишь взоръ вокругъ,
Увидишь, что стада свои любя пастухъ,
Гоняетъ въ тѣ мѣста, гдѣ хищной волкъ не рыщетъ,
Сей мучимъ голодомъ, для снѣди оныхъ ищетъ.
Не пашетъ землѣдѣлъ лежащихъ пустошей,
Далече зримыхъ имъ въ глуши заростихъ мшей.
Помона съ Бахусомъ оставивъ сельны крины,
И садъ прекраснѣйшей сталъ дикой видъ пустыни;
Прохожїй жаждою въ день жара изтомленъ,
Но сладкой вѣтвей сокъ его устъ удаленъ.
Превратно зрится все, и безъ начальныхъ правилъ!
Такъ въ свѣтѣ человѣкъ въ предметъ себя поставилъ.
Тотъ бѣдственной металлъ, нещастїй многихъ дверь,
Творящїй нужды въ насъ, родитель всѣхъ химеръ;
Жестокость нашихъ бѣдъ легко смягчать умѣетъ,
И къ умноженью ихъ скорѣй всего поспѣетъ,

Взмутившей властелинъ земной родъ до развратствъ,
Имъ обожаемой подъ имянемъ *богатствъ*,
Коль къ воспитанью въ домъ дѣтей науки нужны,
Учителей вдаетъ въ порабощеньи скушны.

Чтобъ отраслямъ дать путь свободной, тосуки
Сплетенныхъ вѣтьвь очисть, кривые отсѣки,
Отпрыснутъ прямы вдругъ --- *Дай естеству свободу*, (*)
Растѣнье должно цвѣсть не удобря природу,
Его связь вѣтьвей свойствъ одниxъ добра всегда,
Чтобъ корень могъ чрезъ ниxъ избавиться вреда.

Желалъ бы знать я, какъ та связь чресла Емила,
Какъ воскъ растопленной, органы чувствъ скрѣпила!
Но признаюсь, Руссо, я праведно тебѣ,
Онъ зачался въ твоемъ обильномъ лишь умѣ;
По благости своей придавъ его съ покройцемъ,
Какъ разумъ твой возмнилъ, такимъ онъ былъ питомцемъ.

О! ослѣпленіе, мечтательной обманъ,
Неслыханны, какъ міръ для населенья данъ!
Почтеннаго Руссо вы стали нынь удѣломъ!
Творенія его! принявъ васъ въ мнѣньи смѣломъ.

Онъ сердцемъ благъ, пусть такъ; но ахъ! неправъ перомъ;
Прекрасно написалъ --- доволенъ былъ трудомъ;

(*) Мнѣніе изъ Руссоваго сочиненія о воспитаніи дѣтей, коему многіе воспитатели юношества послѣдуютъ.

Но даръ всей остроты по всѣмъ такимъ разсказамъ,
Далъ въ жертву ѳиміамъ безсонницы заразамъ.

Отъ сердца кровь всходя до мозговыхъ частей,
Брань производитъ въ насъ ужаснѣйшихъ страстей;

Умъ кроткой съ памятью притомъ соединенный
Въ чертогѣ черепномъ живетъ, какъ Царь почтенный.

По нравственнымъ, или Физическимъ частямъ,
Что главнымъ дѣйствіемъ изъ нихъ быть мнится вамъ?

Какъ нѣжно древо то, гдѣ влажный токъ прозяблый
Теча, пускаетъ сокъ, какъ жизненныя капли,
Не можетъ влечь ума иттти съ собою въ слѣдъ,
Такъ сердце безъ ума, гдѣ нравственности нѣтъ.

Но кая мысль стремитъ мой духъ въ восторгъ священный!
Иль искрой божества въ мечтаньи восхищенный,
Во мракѣ, въ блескѣ ли, съ наружности иль внѣ,
Я зрю вселенну всю въ блистательномъ огнѣ!
Сонмъ свѣтлыхъ Ангеловъ Создателю служащій,
Творяй слуги своя Онъ духи огнь палящій,
Отъ края въ край Небесъ въ выспрь неподвижныхъ звѣздъ,
Отъ солнца нисходя до пропастей всѣхъ мѣстъ,
Лучами движущи связуетъ всѣ свѣтилы,
Какъ будто жизненны въ насъ дѣйствующи силы.
Подобно какъ Творецъ носясь среди ефира,
И твердью поддержа громаду тяжку міра,
Связалъ незыблемость всесильнымъ мановеньемъ,
Теченіемъ планетъ и вѣчнымъ силъ движеньемъ,

Покорствомъ вихрей и вдохненьемъ твердыхъ силъ
Въ обширности круговъ, стихій, тѣлъ, звѣздъ, свѣтилъ;
Союзъ, размѣръ, черты, связь, цѣпь, причины строя
Для щастья нашего и жизни и покоя;
Такъ свойствъ влїянїе души намъ должно знать,
Влїяньи вредныя отъ овыхъ отвращать;
Тожъ, безъ *чего* опять въ ничтожество мы впадаемъ,
Когда съ безсмысленнымъ скотомъ Творца не чаемъ;
Чрезъ *что* вперяемъ мысль до выспреннихъ границъ;
Вселенну вновь творимъ изъ маленькихъ частицъ;
Чѣмъ здержимъ время мы въ стремительномъ полетѣ;
Природѣ краской видъ даемъ въ живѣйшемъ цвѣтѣ;
На хартьи можемъ *чѣмъ* привесть въ союзы гласъ;
Изъ червья соткать красу одѣющую насъ;
Свѣтило ново здать въ лучахъ огней химїи;
Извергнуть лютой адъ чрезъ силу злой магїи;
На гордой хребтъ морскихъ зыбей ступать ногой;
Взлетѣвъ сверьхъ облаковъ, вокругъ зрѣть шаръ земной;
Чудовищъ кроткими творимъ въ лѣсахъ дремучихъ;
Чѣмъ отвращаемъ громъ въ ефирѣ тучь трескучихъ;
И тщимся сближится къ престолу Божества
О! сколько золъ *умомъ* зримъ въ чревѣ естества!
Хаосъ сый искони къ смятеньямъ ополченной,
И свѣтомъ окрестъ вдругъ какъ ризой облеченной,
Прїявъ вселенной видъ и въ жизнь одушевленъ,
Питаетъ въ качествахъ строптивыхъ свойствъ тѣжъ силы,
Что съ человѣкомъ въ мїръ сопутниками были,
Коль силой корень злой не будетъ истребленъ.

Се! вещесловія видъ съ нравственнымъ предме-
томъ,
Гермесовъ малой міръ съ великимъ зримымъ
свѣтомъ!
Познавши силу ихъ, связь жизненныхъ духовъ,
Плодъ добродѣтелей, страстей надмѣнну бровь;
Питай огнь юности, любезныхъ свойствъ доброту,
То лучше, нежели *не удобрять природу*;
Къ добротѣ ты ея лишь разумъ прививай,
Къ наукамъ нѣжныхъ лѣтъ несклонность прерывай;
Съ лѣтами, съ возрастомъ раченью соразмѣрно,
Дитя сообразуясь, растетъ и мыслитъ вѣрно:
Привыкши надъ собой имѣть блюстительнъ глазъ,
Слезъ укрощаетъ токъ, и жалобной свой гласъ;
И въ страхѣ коль держимъ, ласканьемъ возбуж-
даемъ,
Мы напрерывъ въ томъ и въ другомъ преуспѣ-
ваемъ.

Сей огнь вспылавъ, горитъ въ чувствитель-
ныхъ сердцахъ,
Стыдъ рдѣетъ имъ еще въ дѣвическихъ очахъ;
Незлобіе въ душахъ ребяческихъ хранится,
И сердце обуздавъ, избыть пороковъ тщится;
Во добродѣтеляхъ благочестивой мужъ
Вѣнчается среди добротъ геройскихъ душъ;
Чуждъ градскихъ безпокойствъ, волненій и заботы,
Ведетъ жизнь кроткую безвинныя свободы;
Во цѣломудріи возженной ѳиміамъ
Пылаетъ жертвою въ выспрь къ горнимъ небе-
самъ;
Во бракѣ вѣрности хранитъ онъ честно ложе,
Въ гражданствѣ долгъ блюдетъ, колико можно
строже.
Любезной мужъ, отецъ почтенной, вѣрной другъ,
Пріятствомъ, вѣрностью онъ огражденъ вокругъ;

Лучами Божества свой вѣры духЪ стяжаетЪ,
Корнь благочестія онЪ вЪ сердцѣ насаждаетЪ.
Невинность, простота и искренность вЪ селахЪ
ВЪ веселой радости вѣнки вьютЪ на главахЪ,
КакЪ вЪ честь богамЪ хвалы плели вЪ златые вѣки
Во щастьи межЪ собой подобны человѣки.

Но дать всю власть страстямЪ, пустивЪ по стременамЪ,
Ласкаясь безЪ ума по всѣмЪ гонять броздамЪ,
И кЪ сердцу пригноздивЪ навыкЪ кЪ порокамЪ склонной,
БезЪ истязанья влечь жизнь срамну беззаконно;
На все сквозь рукЪ смотрѣть, поблажнымЪ, милымЪ быть,
ВЪ питомственныхЪ очахЪ чтобЪ непостылымЪ слыть,
Бывалоль что либо вЪ сей жизни столько глупо,
КакЪ то безуміе столь подло, низко, грубо?
Сель! чести полнЪ, щедротЪ, владыка человѣкЪ;
Кой вЪ благости всѣхЪ дарЪ вЪ выспрь отЪ земли возтекЪ!
КакихЪ злодѣйствій намЪ не подаютЪ примѣры
ВЪ позорЪ природы и вЪ соблазнЪ закона вѣры!
СЪ природой духа силЪ коль разумЪ несличенЪ,
А свѣтЪ сталЪ кЪ грубостямЪ свирѣпствомЪ привлеченЪ,
Понятія его невѣжествомЪ вскормленны,
То можноль правды ждать отЪ сихЪ тиранЪ вселенны?
ТиверовЪ, НероновЪ, КаллигуловЪ мы зримЪ,
КакихЪ жестокихЪ свойствЪ примѣрЪ являетЪ РимЪ;
ТамЪ человѣчью плоть вЪ забаву имЪ терзали,
БезсмысленныхЪ скотовЪ вЪ Сенатѣ подставляли,
И варварскихЪ вѣковЪ злочестій всѣхЪ отзывЪ,
Неистово во умЪ, во власть свою вмѣстивЪ,

Со сонмомъ адскихъ злобъ совѣты совѣщали,
Грѣхъ правами на всѣ злочинства предлагали,
Чтобъ беззаконій жертвъ кровей прикрывъ вину,
Къ толь пущимъ мерзостямъ грѣхи ввесть въ
мїръ въ цѣну;
Тиранства лютости остервенѣнъ звѣрями,
Взревѣли по лицу земли въ слѣдъ съ нимъ стадами;
Могущественной левъ надъ всѣми превозмогъ,
Похитилъ силою неправосудья рогъ:
По тѣмъ причинамъ, ревъ страстей, злонравство,
хищность,

Безчеловѣчїе, насильство, злоба, хитрость,
Убїйство, крамола, неправда, зависть, ложъ,
Все разумѣется, что люто звѣрство тожъ.
О! естьли отсѣчешь ты внѣшности негодны,
Ты человѣчеству придашь тогда видъ сродный!
Пускай ты роскошью всѣхъ чувствъ преупоенъ, - - -
На зыбкой пышности ихъ тронъ возстановленъ,
Кой сластолюбїя шумящими крылами
Всечастно окруженъ чудъ прихотей толпами;
Гдѣ храмъ былъ предпочтенъ Церреры божества,
Несыты Гарпїи тамъ жрутъ все до чиста,
Трудами бѣдныхъ рукъ посѣянныя нивы,
И въ изобилїи возрастшїя оливы,
Въ угоду что тебѣ брега Ливански шлютъ,
Но нѣжныхъ чувствъ въ обмѣнъ товаровъ не
даютъ;
И въ жертву нѣгѣ лишь даръ щедростей приноситъ,
А бѣдной Велисаръ куска, ахъ! втуне проситъ!

О! зло, я зрю, что сей устроилъ свѣтъ Творецъ
Отнюдь не на такой, какъ мы живемъ, конецъ,

Какъ нѣки въ естествѣ подземны сперты силы
Стремясь, ревъ страшныхъ безднъ ручей клокотъ открыли,
Жестокостей стихїй подъ бременемъ стенавъ,
Въ воздушной знака день, влїянїя уставъ,
Отъ хладныя зимы исторгнувшися зѣва,
Спѣшатъ пронзить путь жилъ отрождшагось въ жизнь древа,
Распространивъ въ вершьи по вѣтвїямъ свой токъ,
Пускаютъ въ цвѣтъ и въ плодъ благотворенья сокъ,
И купно гадъ, червей, на пагубу текущихъ,
Въ слѣдъ за собой смрадъ, прахъ, истлѣнїе влекущихъ,
Которы нѣжну сей природы красоту
Безвремянно пожравъ, влекутъ въ мїръ суету.
Но разумъ взявъ въ его природномъ положеньи
На всей поверхности земли въ уединеньи,
Когда питомецъ твой узналъ всю пользу нуждъ,
Онъ въ обществѣ благихъ уже не будетъ чуждъ;
Иль Словомъ такъ сказать, достигъ у всѣхъ почтенья,
Чтитъ долгъ свой, любитъ власть законнаго правленья,
Тобою приведенъ въ число прямыхъ гражданъ,
Ты воспитанїя свершилъ прямаго планъ.

ЕВЕЛИНА.

ПИСЬМО I.

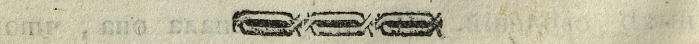
Отъ Лади Говарды къ Г. Вилларсу.

Я теперь только, государь мой, получила изъ Парижа письмо отъ Гжи. Дюваль. Сія безпощадная мать покойной Лади Бельмонты хочетъ по видимому исправить изподоволь всѣ бѣды ею учиненныя, и купно притомъ невинною въ томъ предъ свѣтомъ казаться. Она ищетъ случая, сложить съ себя на кого либо другаго иго всѣхъ бѣдствій, въ которыхъ она одна виновна; и котобъ вы думали, она обвиняетъ? Это васъ, достойнѣйшій мой пріятель, коему она не въ силахъ отплатить за всѣ одолженія. Она злобно приписываетъ вашимъ совѣтамъ злощастія, дочерью ея пожертыя. Доселѣ, *пишетъ она*, домашнія дѣла удержали ее во Франціи, и вѣроятно не позволятъ ей и впредь оставить сіе Королевство. И такъ всѣ силы употребила къ доставленію себѣ нужныхъ свѣденій. По чему узнала она, что Лади Бельмонтъ оставила сироту, вамъ препорученную. Отъ васъ единственно зависитъ

прислать ее вЪ ПарижЪ, гдѣ она будетЪ имѣть обЪ ней пристойное попеченіе. Сія женщина, никакого сумнѣнія нѣтЪ, начинаетЪ напослѣдокЪ глаза открывать о немилосердомЪ своемЪ поступкѣ.

Дочь моя Мирвана спрашивала меня, какія причины могли ее побудить оставить Лади Бельмонту тогда, когда было ей очень нужно ея покровительство? КакЪ я донынѣ извѣстна только по поверхности о всѣхЪ произшествіяхЪ сего дѣла, слѣдственно я не могу удовлетворить ея любопытство безЪ дружественной вашей мнѣ вЪ томЪ помощи.

ВЪ разсужденіи же вашей воспитанницы, я почитаю дѣломЪ совсѣмЪ мнѣ непринадлежащимЪ подавать вЪ томЪ совѣты. Сія оставленная сирота обязана во всемЪ вашему щедрому покровительству, слѣдовательно вы лучшій и единственной судья вЪ томЪ, что ей надобно дѣлать. Что больше всего меня смущаетЪ, есть то замѣшательство, которое можетЪ быть вамЪ отЪ всего того произойти можетЪ.

ПИСЬМО II.

Отъ Г. Вилларса къ Лади Говардѣ.

Вы весьма предвидѣли, милостивая моя Государыня, замѣшательство во мнѣ произведенное письмомъ Гжи. Дюваль. Покорно прошу васъ увѣдомить ее, что мнѣ бы очень не хотѣлось ей досадить ни въ чемъ; но имѣю убѣдительныя причины удержать мою питомицу въ Англіи. Первая изъ сихъ неоспоримѣйшихъ причинъ есть завѣщаніе той особы, которая мнѣ ее на мое попеченіе отдала. Я увѣренъ, что сей отказъ не удивитъ васъ. Безъ воспитанія и безъ правилъ, она несносныхъ свойствъ и грубаго нрава. Гжа. Дюваль для молодой особы худой товарищъ и худая надзирательница.

Я не хочу ни въ чемъ отказать Гжѣ. Мирванѣ. Но исполняя ея прозьбу, сокращу повѣствованіе о печальныхъ приключеніяхъ, кои не могутъ быть пріятны для такого чувствительнаго сердца, каково ее, возбуждая и во мнѣ терзающія утробу мою напоминанія. Вамъ не безъизвѣстно, что будучи при Г. Евелинѣ въ качествѣ наставника, я его сопровождалъ въ путешествіяхъ. Скоро по возвращеніи своемъ въ Англію, онъ прельстился красотою Гжи. Дюваль, бѣдной служанки тогда въ питейномъ домѣ, и женился на ней, не смотря на совѣты и усиль-

ныя прошенія всѣхъ его пріятелей. Чрезъ нѣсколько времяни, оставя свое отечество, поѣхалъ во Францію. Стыдъ и раскаяніе туда его сопровождали. Онъ жилъ послѣ сего нещастнаго брака не болѣе двухъ лѣтъ. Передъ смертію своею онъ написалъ ко мнѣ письмо слѣдующаго содержанія: *Другъ мой! забудь по человѣчеству всѣ мои заблужденія! Отецъ, желающій всякаго щастія своей дочери, препоручаетъ ее вашему попеченію. О Вилларсъ! сжалься надо мною; послушай, и помоги мнѣ.*

Онъ оставилъ мнѣ по духовному завѣщанію тысячу фунтовъ стерлинговъ и попеченіе о его дочери, пока достигнетъ осмнадцати лѣтъ; но здѣлалъ ее совершенно зависимою отъ ея матери, въ разсужденіи имущества. Хотѣлъ тѣмъ предохранить Гжѣ. Евелинѣ все дочернее почтеніе и уваженіе, коихъ она отъ дитяти требовать могла, и не подозрѣвалъ, чтобъ мать способна была преступить въ любви и праводушіи.

И такъ Мисъ Евелина воспиталась подъ моимъ присмотромъ; я оставляю другимъ вѣщать вамъ о ея добродѣтеляхъ. Она меня любила, какъ бы я былъ ея отецъ, и я къ ней былъ горячо привязанъ. Какъ скоро исполнилось ей осмнадцать лѣтъ, ея мать сочетавшись бракомъ съ Г. Дювалемъ, ве-

дѣла привезти ее въ Парижъ. Я и теперь еще раскаеваюсь, для чего я туда ее не сопровождалъ! Я бы избавилъ ее, можетъ быть, помощію моею отъ ожидавшихъ ее тамъ нещастій. Гжа. Дюваль взялась съ усиліемъ, или лучше сказать, употребляла власть съ мучительствомъ и угрозами, чтобъ выдать за мужъ Мисъ Евелину за одного изъ племянниковъ своего мужа. Она отъ того всегда отказывалась; и наконецъ для избѣжанія всѣхъ ея насилій, коихъ она отвратить не могла, она вступила въ тайныя соглашенія. Сиръ Жонъ Белмонтъ предуспѣлъ овладѣть ея сердцемъ. Богатство, достоинство и личныя преимущества Баронета оправдывали сей ея выборъ, и онъ умѣлъ сокрыть въ очахъ ея, до какого степени нравъ его былъ развращенъ. Онъ женился на ней, обѣщалъ отвезти ее въ Англію, и исполнилъ. Но какъ скоро усмотрѣлъ себя обманутымъ, по неукротимой злобѣ Дювалей, въ приращеніи ожиданнаго имъ къ себѣ имѣнія, сжегъ письменное свидѣтельство совершенія брака, и отпирался, что съ Мисъ Евелиною никогда не имѣлъ законнаго сочетанія.

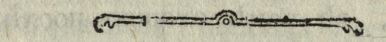
Она пріѣхала ко мнѣ искать помощи и утѣшенія. Съ какимъ восторгомъ, смѣшеннымъ съ радостью и печалью, я ее увидѣлъ!

Мы старались собрать доказательства ея брака; но не нашли. Ея легковѣріе и праводушіе оставили вЪ небрежности всѣ предосторожности, и извергЪ восторжествовалЪ! такЪ что она ничего не могла вЪ свою защиту ему вопреки поставить; сЪ другой стороны ея мать сдѣлалась неукротимою злодѣйкою. Ея силы не смогли противЪ толикихЪ мученій, и вЪ тотЪ часЪ, какЪ дочь ея свѣтЪ узрѣла, кончилась ея жизнь и страданія.

И такЪ вы видите, милостивая моя государыня, сколь немилосердо судьба сЪ состояніемЪ сего дитяти поступила. Единственная наслѣдница богатаго Баронета, коего она никогда не видала, не смѣетЪ даже его именемЪ называться. Ни малѣйшаго признака не предвидится, чтобы онЪ когда либо ее за свою дочь признать хотѣлЪ, и доколѣ онЪ упорствовать будетЪ отЪ своего брака отрекаться, я не потерплю, чтобЪ онЪ изЪ милости удѣлилЪ ей хотя малую часть ея правЪ, что не инако бы разумѣлось, какЪ купить ея приданое на щетЪ чести ея матери.

Что касается до наслѣдства Г. Евелина, то Г. и Гжа. Дювали весьма будутЪ пещись оное себѣ присвоить; я ничего изЪ онаго для нее не ожидаю. И такЪ всѣ надѣянія сего отчужденнаго дитяти состоятЪ только вЪ милостяхЪ усыновленія и дружбы.

По крайней мѣрѣ пока будетъ во мнѣ дыханіе, она не будетъ терпѣть ни въ чемъ нужды. Я ее нѣжилъ, не оставлялъ отъ ея младыхъ ногтей до шестнадцати лѣтъ. Она столь вознаградила мою къ себѣ горячность и попеченія, что всѣ мои желанія на предбудущія времена состоятъ въ томъ, чтобъ она была бракомъ соединена съ такимъ человѣкомъ, которой бы прямо зналъ то, чего она стоитъ, потомъ умереть въ ея объятіяхъ; для сего одного утѣшенія остатокъ жизни моей любить еще хочу.

ПИСЬМО III.

Писанное нѣсколько мѣсяцовъ послѣ послѣдняго.

Лади Говарда къ Г. Вилларсу.

Мнѣ ли вамъ, любезной мой другъ, напоминать, сколько времяни уже протекло, какъ Говардъ-Гроу лишенъ вашихъ посѣщеній? Вамъ не безъизвѣстны наше почтеніе и привязанность, сопряженныя съ удовольствіемъ, кое имѣемъ видѣть у себя любезную вашу питомицу. Дозвольте, чтобъ сія милая Евелина пріѣхала погостить у насъ нѣсколько дней въ радости съ своими

и вашими общими пріятелями; ежели однакожъ при всемъ томъ ваше здоровье, или требы вашихъ прихожанъ не дозволятъ вамъ изъ Берри-Гиль отъѣхать, то согласитесь, пожалуйте, отпустить къ намъ на одинъ или два мѣсяца вашу воспитанницу. Моя внука горитъ желаніемъ опять быть вмѣстѣ съ подругою своей младости; и я сама усердно желаю доказать, сколько почитаю память покойной Лади Бельмонты, поспѣшествованіемъ, сколько возмогу, къ щастію ея дочери. Нѣтъ, кажется мнѣ, лучшаго средства, соблюдать въ памяти вѣчное ея блаженство, въ чемъ охотно послѣдую вашему благочестивому примѣру.

ПИСЬМО IV.

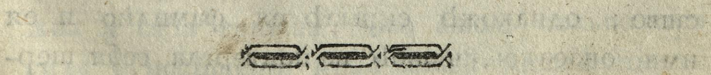
Отъ Г. Вилларса къ Лади Говардѣ.

Милостивая моя Государыня!

Не подумайте, что изъ единственной любви къ уединенной жизни я столь долгое время при себѣ удерживаю мою воспитанницу, удаленную отъ всѣхъ увеселеній; я ничего не пренебрегъ къ предохраненію ее отъ мечтательныхъ блесковъ веселія и горделивыхъ пышностей, которыя ей совершенно воспрещаетъ посредственное состо-

яніе ея щастія, и которыя въ ея лѣты весьма привлекательны быть должны. Я всячески старался пріучить ее безъ оныхъ обходиться; но время настаетъ, въ которое мои наставленія должны уступить мѣсто примѣчаніямъ собственной ея опытности; и щастливымъ себя почту, естьли я здѣлалъ ее способною примѣчать съ пользою и судить съ разборчивостію. По крайней мѣрѣ я самъ о себѣ могу въ томъ свидѣтельствовать, что ничего не упустилъ такого, что могло ей къ тому способствовать.

Теперь же исполнивъ долгъ мой, со всею охотою соглашаюся отдать Евелину подъ ваше покровительство, и желаю, чтобъ вы нашли ее достойною хотя части тѣхъ милостей, кои ей опредѣлять изволите; продолжительная слабость моего здоровья меня здѣсь удерживаетъ; но Г-жа. Клинтонъ сопутствовать будетъ съ нею къ вамъ на предбудущей недѣли; сія женщина заслуживаетъ мое къ себѣ уваженіе; до сего была она кормилицею моей питомицы, а нынѣ за домомъ моимъ надсматриваетъ.

ПИСЬМО V.

Отъ него же къ ней же.

Милостивая моя Государыня!

Сїе письмо вручитъ вамъ мое дитя, дитя усыновленное, мнѣ любезное. Она лишена будучи крайняго родства, ей благопрїятствующаго, заслуживаетъ прїобрѣсть себѣ помощь въ нѣдрахъ дружбы; посылаю ее къ вамъ невинною какъ Ангела, и чистою какъ свѣтъ, и съ нею посылаю вамъ сердце вашего друга, единую его на земли надежду, предметъ его нѣжнѣйшихъ попеченїй. Для нея одной желалъ бы я еще жить на свѣтѣ, для нея одной готовъ я съ радостїю умереть, естьли смерть моя можетъ способствовать къ ея благополучїю.

До нынѣ называлась она Мисъ Анвилею; я ее всегда оставлялъ въ тѣхъ мысляхъ, и даже слухъ разсѣялъ въ нашихъ околичностяхъ, что ея отецъ, мой искреннїй другъ, мнѣ ее въ опеку препоручилъ: но предъ отъѣздомъ ея къ вамъ за нужно разсудилъ, открыть ей незаконное отъ нея отрекательство; однакожъ скрылъ ея фамилїю и ея имя, опасаясь, чтобъ не подвергла себя терзанїямъ чрезъ нескромное любопытство; я хотѣлъ только избавить ея нѣжную чувст-

вительность отъ печали, когда увѣдомится о своихъ нещастіяхъ какимъ-либо непредвидимымъ случаемъ, не бывъ къ тому предуготовлена. Не заключайте, милостивая моя государыня, ничего важнаго о семъ дитяти простодушномъ; она еще свѣта не видала; и хотя я всевозможныя мѣры употребилъ къ ея благовоспитанію, но недостаточенъ самъ ко всему въ уединенной жизни сельскаго моего пребыванія; отдаю ее на ваше благоразсужденіе и пощадѣніе, покорно васъ прося меня увѣдомить чистосердѣчно, каковою вы ее находите.

ПИСЬМО VI.

Отъ Лади Говарды къ Г. Вилларсу.

Отзывъ вашего послѣдняго письма уменьшилъ нѣкоторымъ образомъ то удовольствіе, которое я имѣла, получа его изъ рукъ Евелины. Я опасаюсь, не слишкомъ ли вы потревожились, оказавъ мнѣ ваше благоутожденіе; и въ такомъ случаѣ должна я себя винить, что столь сильно просила о посѣщеніи меня вашей воспитанницы; но помните, что она не въ дальнемъ разстояніи отъ васъ находится, и будьте увѣ-

рены, что я не удержу ее у себя ни минуты сверьхъ сроку, вами опредѣленнаго.

Вы желаете знать, какъ я ее нахожу? Это истинно Ангелъ; все въ ней соотвѣтствуетъ мысли, мною о совершенной ея красотѣ возпріятой; такъ, что естьлибъ я не знала, отъ кого она воспитаніе получила, то бы опасалась, по всему тому, что въ ней ежедневно усматриваемъ, не столь много разума въ ней находить.

Она соблюдаетъ въ себѣ всѣ наслѣдственныя качества, тихость нрава и сродныя пріятства, мать ея столь справедливо отличавшія; и хотя одарена превосходнымъ разсужденіемъ и глубокомысленною проницательностію, но при всемъ томъ соединяетъ еще и нѣкоторой видъ неопытности и простоты, которые тѣмъ больще дѣлаютъ ее привлекательною.

Впрочемъ, природная склонность къ одолженіямъ и ласковое обхожденіе служатъ ей вмѣсто того учтивства, которое пріобрѣтаютъ въ большомъ свѣтѣ. Я примѣчаю къ моему удовольствію, что она привыкаетъ часъ отъ часу больше къ моей внукѣ, и естьли она совсѣмъ не причастна неправдоглаголанію и увершкамъ, то и сія не меньше удалена отъ всего самолюбія и причудливости; онѣ уже посестрились между собою. Мы стараться будемъ обоюд-

нымъ обѣ нихъ безъ различія попеченіемъ утвердить между ими сію мысль, и наслаждаться, такъ какъ и они сами, плодами ихъ другъ къ другу подражанія.

ПИСЬМО VII.

Отъ нее къ нему же.

Почтенной мой другъ!

Моя дочь получила письмо отъ Капитана своего мужа, коимъ онъ ее увѣдомляетъ, что на первыхъ дняхъ будущей недѣли надѣется быть въ Лондонѣ. Дочь моя и Капитанъ были въ разлукѣ около семи лѣтъ, слѣдовательно съ какою радостію она получила извѣстіе о его возвращеніи! Вы себѣ вообразить можете, что она немедленно поѣдетъ въ городъ къ нему на встрѣчу. Мисъ Мирвана должна съ нею ѣхать, и обѣ желаютъ, чтобъ и Евелина вмѣстѣ съ ними слѣдовала. Я ничего на то имъ не обѣщала, прежде нежели увѣрюсь о вашемъ на то соизволеніи; я взяла на себя только васъ просить, отпустить ее не больше, какъ на одну недѣлю. Г. Мирванъ самъ не очень любитъ въ столицѣ долго жить; а внука моя проситъ также къ вамъ отпи-

сать, что она съ толикою горячностію желаетъ быть вмѣстѣ съ своею подругою, что отказъ съ вашей стороны лишитъ ее половины того удовольствія, кое она вмѣстѣ съ нею имѣть можетъ.

Гжа. Мирвана препоручила одному изъ своихъ друзей, нанять ей домъ, на что скоро получитъ отвѣтъ, а между тѣмъ я буду ожидать вашего рѣшенія: я ничего не хочу отъ васъ скрывать, и не увѣряю васъ, что они будутъ жить въ городѣ уединенно, что и не вѣроятно, да и для вашей питомицы начинать свѣтъ познавать не безполезно быть можетъ. Не опасайтесь ничего со стороны Гжи. Дюваль, чтобъ она вамъ упрекала за то, что вы ее въ Лондонъ посылали для прогнанія скуки, послѣ того, какъ вы ей ее откажете; она ни съ кѣмъ переписки въ Англіи не имѣетъ; а хотябъ она и узнала о сей поѣздкѣ, не возможно, чтобъ она была тѣмъ огорчена, по причинѣ такого чрезвычайнаго случая; также не опасайтесь и Бар. Бельмонта; сей безпутной человѣкъ живетъ теперь во Франціи, откуда сюда не прежде будущаго года возвратится.

Ваша дочь сама къ вамъ пишетъ; ея письмо подѣйствуетъ больше всѣхъ нашихъ усердныхъ прошеній.

ПИСЬМО VIII.

Отъ Евелины къ Г. Виллярсу.

Милостивой мой Государь!

Я имѣю къ вамъ прозьбу, и не знаю, какимъ образомъ начать; прозьба имѣетъ видъ нужды, а вы меня до оной когда либо доводили ли? Я уже мятусь, что начала къ вамъ писать; но сіи милыя госпожи столь понудительны! онѣ отъѣзжаютъ въ Лондонъ, и меня съ собою повеселиться приглашаютъ; и признаюсь, что сіи веселости меня много прельщаютъ, только чтобъ вы ихъ не охулили. Увѣрена будучи о вашей ко мнѣ милости, любви, о вашемъ благоразуміи, могу ли я чего либо желать безъ вашего соизволенія? Рѣшите, пожалуйте, и не опасайтесь меня опечалить. Пока буду въ неизвѣстности, то можетъ быть буду надѣяться; но какъ скоро изречете, преклоню главу съ повиновеніемъ, не смотря на то, что не возможно въ другой разъ такому удобному случаю быть.

ПИСЬМО IX.

Отъ Г. Вилларса къ Евелинѣ.

Я не имѣю силы противиться столь убѣдительной прозьбѣ, и ничего столь усердно не желаю, какъ споспѣшествовать къ удовольствію моей Евелины: и такъ я на оную соглашаюсь. Поѣзжай, любезное мое дитя; Богъ да будетъ твоимъ вождемъ! я молить буду Его день и ночь блюсти зѣницу ока надъ тобою, отвратить отъ тебя порокъ столь далеко, сколько онъ до нынѣ отдаленъ былъ отъ твоего сердца! Да предваритъ Онъ наконецъ скорое твое сюда возвращеніе, и даруетъ мнѣ послѣднее утѣшеніе, о коемъ я Его прошу, то есть, чтобъ закрыть свѣтъ очей моихъ въ объятіяхъ столь мнѣ дражайшей дщери, которая толико достойна всей моей отеческой любви!

ПИСЬМО X.

Отъ Евелины къ Г. Вилларсу.

Мы не успѣли сюда только пріѣхать, и уже надобно было наряжаться ѣхать въ Друриленъ, гдѣ Гаррикъ играть будетъ; я теперь домой изъ театра возвратилась,

упоенная веселіемъ и удовольствіемъ! По всей справедливости Гаррикъ заслуживаетъ достойную похвалу и всеобщее удивленіе: какая непринужденная пріятность во всѣхъ его движеніяхъ! какая точность въ его обращеніяхъ! какое выраженіе въ его глазахъ! Я не могла повѣрить, чтобъ онъ игралъ выуча роль; всякое слово, имъ произнесенное, кажется, происходитъ отъ настоящаго возбужденія. Вы видите, что я уже чувствую себя зараженною городскими ухватками, куда не *успѣвъ пріѣхать*, уже говорю, разсуждаю даже о такихъ предметахъ, кои меньше всего мнѣ извѣстны: безъ того казалась бы я деревенскою дѣвкою, что здѣсь называется хорошими людьми, играть глупую роль въ нынѣшнемъ свѣтѣ.

Признаться вамъ должна, что великолѣпіе домовъ, улицъ Лондонскихъ совсѣмъ не подаетъ мнѣ такой мысли, какъ я себѣ объ томъ воображала; но увѣряю васъ, что вы сами обвороженыбъ были, увидѣвъ Спектакль; я буду просить Гжу. Мирвану отпускать насъ туда каждой день, покуда здѣсь пробудемъ: я пользуюсь ея милостями и дружбою; а Марія, ея милая дочь, предостойнѣйшая любви дѣвица.

Я буду, Государь мой, всякой вечеръ поранѣе въ своей комнатѣ запираться, и

вамЪ отдавать отчетЪ вЪ проведенномЪ мною днѣ сЪ такою же точностію, какЪ бы я при вашихЪ глазахЪ находилась; и сей остатокЪ времени, вѣрьте мнѣ, будетЪ для меня наипріятнѣйшимЪ упражненіемЪ.

ВЪ Воскресенье.

Мы сего утра были вЪ домовой церквѣ у Портланда; а по окончаніи службы прогуливались вЪ С. ЖемскомЪ звѣринцѣ, которой нимало не привлекЪ моего примѣчанія; какЪ бы то ни было, всѣ прохаживающіеся люди казались веселыми и довольными; женщины весьма нарядныя; МисЪ Мирвана и я не могли довольно на нихЪ наглядѣться, и всегда нѣчто новое кЪ нашему удивленію представлялось. ВЪ предбудущее Воскресенье, естьли здѣсь еще вЪ городѣ будемЪ, поѣдемЪ мы вЪ сады Кинзенгтонскіе, гдѣ, говорятЪ, собирается гораздо отличное общество; сему-то я сЪ трудомЪ и повѣрить могу, когда кто бывалЪ вЪ столь великолѣпномЪ многолюдствѣ.

Мы званы завтрешній день на партикулярный балЪ кЪ Гжѣ. Станлей, женщина изЪ первостатейныхЪ состояніемЪ, и знакомая Гжѣ. Мирванѣ; будетЪ ли во мнѣ довольно смѣлости во ономЪ показаться? Что вы, Государь мой, о томЪ думаете, будучи я вамЪ столько извѣстна?

ПИСЬМО XI.

Продолженіе письма Евелины.

Я полагала-было каждой вечерѣ на переписку мою сѣ вами кѣ увѣдомленію о всемѣ ежедневномѣ происхожденіи; но сіе распоряженіе отмѣнено быть должно; увеселенія вѣ здѣшнемѣ городѣ гораздо за полночь продолжаются; вѣ награжденіе того я вамѣ мое утро посвящаю; вчерашнее провели мы, бѣгая по лавкамѣ для закупки штофовѣ, чепцовѣ, флеровѣ, пристойныхѣ уборовѣ и всякихѣ другихѣ бездѣлицѣ, нужныхѣ кѣ превращенію изѣ сельскихѣ вѣ городскія жительницы.

Послѣ обѣда попалась моя голова парикмахеру вѣ руки; онѣ столь хорошо закрутилѣ мои волосы, и наложилѣ столько подушекѣ, пудры и шпилекѣ, что я не скоро дойду до того, чтобѣ такѣ самой мнѣ убираться. Сумнѣваюсь, чтобѣ послѣ его рукѣ вы меня узнали; онѣ лице мое совсѣмѣ переиначилѣ; и правду сказать, не думаю, чтобѣ на обмѣнѣ выиграла. Вечерѣ былѣ самой чрезвычайной; такѣ какѣ мы были званы на балѣ партикулярной, то я думала, что не больше человѣкѣ двенадцати на ономѣ будетѣ. Вмѣсто того мнѣ показалось, что тутѣ половина свѣта; представь-

те себѣ двѣ большія залы, наполненныя людьми, такъ какъ не можно больше; въ одной были поставлены столы для игры; другая была для танцевъ: моя мать (ибо Гжа. Мирвана всегда меня называетъ своею дочерью) сказала намъ, что она при насъ останется до тѣхъ поръ, пока танцовщики насъ поднимутъ танцовать, а по томъ пойдетъ играть въ карты, ибо здѣсь матушки играютъ, а дѣвицы танцуютъ; — быть такъ, что ни случится. Мущины взадъ и впередъ мимо насъ ходили съ видомъ задумчивымъ и равнодушнымъ, посматривая на всѣхъ насъ то на ту, то на другую, какъ будто мы тутъ для того были, чтобъ дожидаться чести ихъ приказа. Я столько на то досадовала, что рѣшилась лучше пробыть безъ танцовъ, нежели дать руку итти танцовать съ первымъ, которому угодно будетъ свою предложить.

Одинъ молодой мущина, которой уже давно глядѣлъ на насъ горделиво, подошелъ ко мнѣ на цыпкахъ; небольшая привѣтливая улыбка и дурацкая уборка ясно доказывали, что онъ старался привлечь на себя глаза всего собранія, каковъ ни былъ дуренъ впрочемъ. Онъ поклонился почти до земли, и подавая мнѣ руку съ тѣлодвиженіемъ весьма принужденнымъ, сказалъ такъ

глупо: *Позволите ли, государыня?* По томъ помолчавъ нѣсколько, почелъ за должность взять мою руку. Я ее отняла, и насилу удержалась отъ смѣха. *Вы согласитесь, государыня*, продолжалъ онъ, запинаясь поминутно, *сдѣлать мнѣ честь и преимущество, — естьли по нещастію не пришелъ уже гораздо поздно — испросить у васъ чести и преимущества*, — и хотѣлъ опять овладѣть моею рукою. Я потупила голову, просила его извинить меня, и оборотилась къ Мисъ Мирванѣ, ибо я въ самомъ дѣлѣ смѣялась. Онъ меня спросилъ тогда, развѣ кто нибудь щастливѣе его меня уже предупредилъ? Я отвѣчала, что нѣтъ, и что видно совсѣмъ танцовать не буду. Онъ мнѣ еще сказалъ, что и съ своей стороны онъ ни съ кѣмъ не пойдетъ танцовать, надѣясь, что я можетъ быть перемѣню мое намѣреніе; и проболтавши нѣсколько словъ, въ которыя онъ вмѣшалъ *печаль и нещастіе*, отошелъ, усмѣхаясь безпрестанно.

Во время сего небольшаго разговора, Мисъ Мирвана говорила о чемъ-то съ хозяйкою. Скоро послѣ того другой молодой мущина, лѣтъ около дватцати пяти, одѣтой чисто, хотя не щеголевато, и очень пригожей, подошелъ ко мнѣ съ учтивымъ и пріятнымъ видомъ, и просилъ меня сдѣлать ему честь

протанцовать съ нимъ, ежели я еще никому слова не дала; я ему поклонъ здѣлала закраснѣвшись; оробѣла притомъ, отъ того только, что танцовать съ незнакомымъ въ такомъ многолюдствѣ; однакожъ надобно было необходимо; ибо какъ ни посматривала я по залѣ, не видѣла никого, ктобъ не былъ для меня незнакомой: и такъ подала я руку моему Кавалеру, и стали въ ряды.

Танцовщикъ мой оказывалъ великое желаніе начать со мною разговоръ; но я столько оробѣла, что насилу могла промолвить слово; и естьлибъ мнѣ не стыдно было перемѣнять мысль всякую минуту, то я бы возвратилась опять къ своему мѣсту, и во весь вечеръ не пошла бы танцовать.

Онъ удивился моему смятенію, коего не льзя было не примѣтить. Я не знаю, что онъ обо мнѣ подумалъ, но уже болѣе ничего мнѣ не говорилъ, а я не имѣла духу ему признаться, что замѣшательство мое происходило отъ того, что не привыкла танцовать въ такомъ великомъ собраніи.

Не много погодя Мисъ Мирвана стала подлѣ насъ, и сказала мнѣ на ухо, что мой Кавалеръ былъ человѣкъ благородной. Сіе еще больше умножило мое смятеніе. "Сколько онъ будетъ жалѣть, говорила я сама себѣ, что выбралъ такую деревенщи-

ну незнающую свѣта, и которая каждую минуту боится, чтобъ не здѣлать какого нибудь невѣжества!

Мисъ Мирвана примѣтила, что контратанецъ, которой должно было танцовать, былъ самой мудреной, и просила своего Кавалера дождаться слѣдующаго; и какъ она стала отходить, то и я хотѣла ей въ томъ подражать; но она меня предувѣдомила, что надобно о томъ отозваться моему танцовщику, которой въ то время оборотясь съ кѣмъ-то разговаривалъ; я не смѣла съ нимъ рѣчь начать, и такъ мы вышли всѣ три изъ рядовъ, и сѣли на конецъ залы; къ нещастію Мисъ Мирвана опять пустилась въ контртанецъ, и вставши, громко мнѣ сказала: "Вотъ я тамъ вижу, жизнь моя, твоего Кавалера, Лорда Орвиля, которой тебя ищетъ". Я просила ее меня не покидать, но она уже далеко отъ меня находилась; что могла я сказать Лорду во извиненіе моей неучтивости? Онъ долженъ былъ почесть меня за сумасшедшую или за дуру. Я была въ превеликомъ смятеніи, которое тѣмъ больше умножилось, когда примѣтила, что онъ подходилъ къ тому мѣсту, гдѣ я была; я не находила себя въ состояніи, чтобъ его дождаться. И такъ я встала, и скоро пошла въ ту залу, гдѣ играютъ,

твердо разположившись провести остатокъ вечера подлѣ гжи. Мирваны; но прежде нежели я ее найти могла, Милордъ Орвиль ко мнѣ подошелъ. Онъ спросилъ, не занемогла ли я? Вмѣсто того, чтобъ отвѣчать, я по дурацки потупила голову, и глядѣла на опахало. Я просила только его мнѣ сказать, не видалъ ли онъ той молодой госпожи, съ которою я не давно говорила? —,, Нѣтъ, не прикажете ли ее поискать? — Никакъ, нѣтъ. Не угодно ли, чтобъ я вамъ принесъ чего нибудь для прохлажденія? —" Я кивнула головой не хотя, а онъ побѣжалъ какъ молнія.

Я начала сама на себя досадовать, и довольно времени имѣла осмотрѣться, что глупую фигуру дѣлала; но не была еще въ состояніи думать, или поступать порядочно. Естьлибъ Лордъ не такъ скоро возвратился, то я бы можетъ быть въ другой разъ ушла. Онъ принесъ мнѣ стаканъ лимонаду. Какъ скоро я его приняла, онъ сказалъ, что ласкается надеждою имѣть честь со мною танцовать начавшійся контртанецъ. Воспоминовеніе о ребяческомъ поступкѣ, которой я прежде оказала, произвело во мнѣ страха еще больше. Онъ чаятельно то отгадалъ, и просилъ меня опять сѣсть, ежели танцы меня не забавляютъ. Я не мо-

гла изъ благопристойности принять предложенія; потому что и такъ надѣлала много глупостей; однакожъ насилу удержалась на ногахъ.

Такимъ образомъ пріуготовившись къ контртанцу, можно легко понять, что не весьма ловко отдѣлалась. Я думала, что Лордъ чрезвычайно досадовалъ на свою худую участь въ выборѣ; но къ великому моему утѣшенію онъ казался весьма довольнымъ: онъ мнѣ помогалъ и ободрялъ всячески; *хотябъ я была* первая персона изъ всего собранія, то не могъ бы онъ обойтись со мною съ большимъ уваженіемъ и учтивостію. По окончаніи танца онъ подалъ мнѣ стулъ, а самъ стоялъ подлѣ меня; нѣсколько поотважнѣе, или только нѣсколько посмѣлѣе, могла бы я вступить съ нимъ въ разговоръ самой важной. Я узнала, что порода Лорда Орвиля была самое меньшее изъ его достоинствъ, и что онъ гораздо больше отличался своимъ разумомъ и пріятнымъ обхожденіемъ. Ничто столь справедливо и остроумно, какъ его примѣчанія на все наше собраніе; но будучи безпрестанно занята скаредною ролью, которую играла въ присутствіи столь проницательнаго вникателя, я слушала его только въ глубокомъ молчаніи. Примѣтивъ, что сей разговоръ

не имѣлъ никакого успѣха, онъ завелъ рѣчь о публичныхъ собраніяхъ; о концертахъ, и скоро узналъ, что я не имѣю объ нихъ никакого понятія; наконецъ съ отмѣнною уловкою онъ обратилъ свой разговоръ на пріятности и упражненія деревенскія. Тутъ уже не могла я сумнѣваться, что его намѣреніе состояло въ томъ, чтобъ меня испытать, не можно ли какимъ либо способомъ побудить меня къ разговору. Сіе размышленіе меня снова возмутило; я правда мало отвѣчала, но и того какъ можно старалась избѣгать. Противъ моего чаянія, тотъ же самой глупецъ, которой меня прежде къ танцу звалъ, подошелъ ко мнѣ съ видомъ странной важности, и раза два, три низко поклонившись, сказалъ мнѣ: „*Прошу не погнѣваться, государыня, — и вы также Милордъ — за то что я прерываю вашъ столь пріятной разговоръ, которой конечно васъ больше забавляетъ, нежели то предложеніе, которое я имѣлъ честь вамъ, сударыня, недавно здѣлать, — но. . .*„ при семъ словѣ я захохотала изо всей мочи.

Представьте себѣ съ одной стороны сего глупаго щеголя съ своимъ надмѣннымъ видомъ, съ табакеркою въ рукахъ; съ другой Милорда Орвиля, на лицѣ котораго начертано было чрезвычайное удивленіе; и прошу

васъ, можно ли было удержаться отъ смѣха?

Въ первой разъ только я разсмѣялась, разставшись съ Мисъ Мирваною, и во все сіе время больше расположена была плакать, нежели смѣяться. Милордъ Орвиль смотрѣлъ на меня съ вниманіемъ; щеголь, котораго я имени не знаю, былъ раздраженъ, онъ мнѣ сказалъ съ гордымъ видомъ: *остановитесь пожалуйте, государыня, хотя на минуту, я только вамъ одно слово скажу — не можно ли мнѣ узнать, по какому случаю я былъ лишенъ чести съ вами танцовать? — По какому случаю!* сказала я съ крайнимъ удивленіемъ. — *Такъ точно, государыня, и я осмѣлюсь вамъ сдѣлать замѣчаніе, что самой чрезвычайной только случай можетъ понудить дѣвицу въ ваши лѣта сдѣлать такую неучтивость.*

Темно еще тогда мнѣ въ мысли представлялось, что я могла преступить какія нибудь правила принятыя въ большихъ собраніяхъ; вспомнилось мнѣ однакожъ, гдѣ-то я слыхала, что когда откажешь одному кавалеру, то не должно итти съ другимъ. Какая безпамятная! я это забыла, и пребыла въ молчаніи, и покуда сію мысль приводила себѣ на память, Милордъ Орвиль

отвѣтствовалъ съ жаромъ: „Государь мой! сія „госпожа не заслуживаетъ такого выговора.„

Сей несносной человѣкъ (ибо я дѣйствительно на него сердита) поклонился очень низко, и съ жеманною самою язвительнѣйшею улыбкою отвѣчалъ: *Милордъ, я никакъ не выговариваю сей госпожѣ; я имѣю еще столько разсудка, чтобъ понять превышающее достоинство, чрезъ которое вы получили надо мною преимущество.* Онъ въ другой разъ поклонился и ушелъ. Случалась ли когда-либо такая дерзость! я умирала со стыда. „Глупецъ! вскричалъ Милордъ Орвиль; а я, не зная, что дѣлаю, вскочила со стула очень поспѣшно, и шедши вонъ, говорила: „Гдѣ же гжа. Мирвана? Ее уже больше не видно. Позволите ли, сказалъ Милордъ, мнѣ объ этомъ освѣдомиться? Я опять сѣла на стулъ, не смѣя поднять глазъ. Что онъ долженъ былъ подумать обо мнѣ, о всѣхъ моихъ ошибкахъ, и о семъ неумышленномъ предпочтеніи? Онъ тотчасъ возвратился и сказалъ, что госпожа Мирвана занимается игрой, и что желаетъ со мною видѣться. Я немедленно туда пошла, и пришедши сѣла тутъ на стулъ, никѣмъ не занятой; а Милордъ Орвиль разстался съ нами къ великому моему удовольствію. Я разсказала всѣ

мои неудачи тжѣ. Мирванѣ, и она сдѣлала мнѣ милость, упрекая себѣ, что не упомянула мнѣ объ томъ прежде и считала меня свѣдущею всѣ сіи бездѣльные обычаи. Какъ бы то ни было, но надобно думать, что тотъ гордой мущина останется при одной своей прекрасной рѣчи, не требуя инаго удовлетворенія.

Милордъ Орвиль не долго находился въ отсутствіи, онъ просилъ меня опять возвратиться къ танцамъ; я на оное согласилась со всевозможною учтивостію. Я имѣла время поправиться, и рѣшилась употребить всѣ силы къ заглажденію первыхъ моихъ глупостей.

Онъ мало говорилъ, и танецъ скоро кончился, и такъ я не имѣла случая исполнить своего намѣренія. Сначала я думала, что тщетные труды, которые онъ прежде принималъ, удержали его отъ разговора; по томъ другая мысль пришла мнѣ въ голову, что онъ узналъ, *кто я такова*. Новое смятеніе съ моей стороны, и вмѣсто того, чтобъ показать свой разумъ, такъ какъ я располагалась, въ прежнемъ своемъ невѣжествѣ осталась. Наскучившись, обстыдясь и измучась, я пребывала спокойною до тѣхъ поръ, какъ мы поѣхали назадъ, что по щастію скоро случилось. Милордъ

Орвиль сдѣлалъ мнѣ честь, взялъ меня подъ руку и проводилъ до кареты, а на дорогѣ благодарилъ мнѣ за *честь, которую я ему оказала*. О! эти модныя люди!

Какъ вы думаете, милостивой мой государь, о семъ вечерѣ? Я не могла никакъ удержаться, чтобъ не описать вамъ подробно всего того, что для меня казалось новымъ. Вотъ начало моей грусти; я увѣрена, что вы ее со мною раздѣлять будете. О! какъ бы желала я ее поскорѣе у васъ забыть!

ПИСЬМО XII.

Продолженіе письма Евелины.

Въ прошедшій Вторникъ мы были въ оперѣ. Понедѣльнишній скучной вечеръ до сихъ поръ меня еще безпокоилъ; печальна, наскучившись Лондономъ, и сама собою не довольна; однакожь пріятность музыки мой духъ плѣнила и грусть мою совершенно прогнала. Вчерась мы были съ гжею. Мирваною въ Ренелагѣ. Сіе мѣсто показалось мнѣ пріятнымъ; оно освѣщено столь великолѣпно, что съ перваго взгляду я подумала, что нахожусь въ обвороженномъ замкѣ. Не думаю, чтобъ сила чародѣйственная когда могла

глазамъ представить что-либо столь ослѣпительное. Не успѣла войти, какъ увидѣла Милорда Орвиля, отъ чего пришла въ безпорядокъ; по щастiю онъ меня не увидѣлъ. Напившись чаю, Мисъ Мирвана и я пошли однѣ прохаживаться; мы его усмотрѣли въ другой разъ у оркестра. Онъ мнѣ поклонился; и я откланялась равномѣрно, и чувствовала, что закраснѣлась. Намъ разсудилось лучше удалиться. Онъ за нами не пошелъ, и какъ мы опять мимо оркестра прошли, то уже его не было. Мы его многократно въ тотъ вечеръ видали, но онъ не подходилъ къ намъ. Признаюсь, что не безприскорбно для меня почерпнутое имъ обо мнѣ дурное мнѣнiе. Сей человѣкъ такъ достоинъ любви и почтенiя, что ей! не радостно остаться въ худыхъ его мысляхъ. И несправедливо ли при томъ искать почтенiя у тѣхъ людей, кои спорютъ нашего? Но о чемъ это я къ вамъ пишу? Сiи разсужденiя поздо въ мысль приходятъ, и я сѣтую о видимой потерѣ такого нещастiя, которое мое воображенiе въ глазахъ моихъ можетъ быть увеличиваетъ, и коего я уже никогда не буду въ состоянiи поправить.

P. S. Капитанъ Мирванъ теперь только прiѣхалъ. Его приступъ уже не привлекаетъ

къ нему въ любовь. Онъ ничего не имѣетъ въ себѣ того привѣтливаго учтивства, которымъ здѣсь отличаются люди его званія. Но хотя онъ въ своихъ рѣчахъ назойливъ и въ поведеніи нѣсколько досадливъ, но доброе заключеніе о его чистосердечности и храбрости вмѣняется ему въ то, что за то ничего не взыскиваютъ. Я принимаю тѣмъ большее участіе въ радости его супруги и его дочери, что съ прибытіемъ его сопряжено мое къ вамъ приближеніе. Онъ самъ уже заговариваетъ, что болѣе не можетъ терпѣть Лондонской вони; что онъ довольно нажарился и на солнцѣ, что ему нуженъ деревенской воздухъ, на которомъ бы пожить по своей волѣ. И такъ вы можете полагать отъѣздъ нашъ весьма близкимъ.

ПИСЬМО XIII.

Продолженіе предыдущаго.

О! какъ ненавистенъ для меня теперь Лондонъ, его собранія, мнимыя увеселенія и вздорные его вертопрахи! Вы уже конечно сумнѣваться начинаете, что я опять признаться вамъ хочу въ новыхъ глупостяхъ, и что оказала новые опыты моей неоснователь-

ности. Вы не ошибаетесь; и что меня больше сокрушаетъ, относится опять до Милорда Орвиля, и я не только не воспользовалась способами моего предъ нимъ оправданія, но и прибавила еще къ заключенію тѣхъ неполезныхъ предразсужденій, кои онъ съ начала перваго нашего свиданія о моемъ разумѣ и свойствахъ воспріять могъ.

Намъ оставалось только два дни прожить въ Лондонѣ, и между тѣмъ были мы въ Ридотѣ. Зала онаго великолѣпна, иллюминація и украшенія драгоцѣнны; всѣ въ собраніи были на отборъ и хорошо одѣты. Сколь скоро мы туда пріѣхали, тотъ часъ представились взору моему, какъ бы по естественному побужденію, толпы людей, посреди коихъ увидѣла я Милорда Орвиля. Съ сей минуты я приняла намѣреніе не танцовать ни съ кѣмъ, какъ развѣ съ нимъ однимъ, и то въ томъ только видѣ, чтобъ поправить всѣ мои прежнія неосмотрительности. Дурная моя участь воспрепятствовала, что онъ насъ не усмотрѣлъ. — Молодой человѣкъ, около тридцати лѣтъ, сколь пригожій, столь не меньше того весьма статной, подошедъ ко мнѣ и просилъ меня принять его моимъ танцовщикомъ. Я же, чтобъ избавиться отъ него, не нашла лучшаго способа, какъ отвѣчать ему, что я уже другому слово дала;

но вмѣсто того, чтобъ меня оставить, какъ я того надѣялась, онъ не отставалъ отъ меня, и говоря съ такою вольностію, какъ бы мы уже издавна знакомы были, онъ мнѣ скучалъ своими насмѣшливыми вопросами о моемъ Кавалерѣ, забавлялся на его щетъ, что столь медлитъ притти воспользоваться оказанною мною ему честію.

Сколько я ни пересаживалась и опять прохаживалась съ Гжею. Мирваною, сей вздорной мущина не переставалъ ни на минуту въ слѣдъ по моимъ пятамъ ходить, и казалось, что онъ умышленно старался пользоваться моею досадою и замѣшательствомъ. Гжа. Мирванъ, которую я не смѣла о томъ увѣдомить, опасаясь, чтобъ Капитанъ изъ того не вывелъ дѣла, крайне удивилась, видя меня въ разговорѣ обращающуюся съ незнакомымъ; тотъ часъ примѣтила, въ какомъ принужденіи я была. Она обратила рѣчь къ моему гонителю, а тѣмъ только ускорила получить пагубное объясненіе. Я напротивъ того не зная, что имъ обоимъ на то сказать въ разсужденіи выдуманнаго моего Кавалера, взяла на себя назвать имя Милорда Орвиля, которой подлѣ насъ недалеко стоялъ. Посудите о моемъ смущенномъ состояніи, когда сей, къ моему наказанію навязавшійся человѣкъ, ударивъ его по пле-

чу съ видомъ знакомства, извинялся предъ нимъ забавнымъ образомъ, такъ какъ онъ отзывался, въ его похищеніи.

Лордъ стоялъ какъ изумленной. Гжа. Мирванъ глядѣла на меня съ удивленіемъ; незнакомой взялъ мою руку, и подавая ее Милорду, сказалъ: *Представьте, съ какимъ сожалѣніемъ я уступаю вамъ сію прекрасную руку.* Орвиль поцаловалъ ее съ почтеніемъ, и желая узнать изъ глазъ моихъ, что все сіе значило, видѣлъ меня притомъ отъ огорченія и печали едва въ обморокъ не поверженную. Силъ у меня больше не стало, и я не могла удержать слезъ. Что тебѣ сдѣлалось? сказала мнѣ Гжа. Мирванъ самымъ нѣжнѣйшимъ образомъ. Ахъ! сударыня, вскричала я: я не знала сего господина . . . хотѣла . . осмѣлилась . . . я . . . Изъ сихъ немногихъ рѣчей Лордъ понялъ все прочее. Онъ подвинулъ кресла, и сказалъ мнѣ потихоньку: не безпокоитесь пожалуйте, вы всегда сдѣлаете честь моему имени всякой разъ, когда изволите его употреблять. Сія учтивость меня нѣсколько облегчила. Бога ради, государыня, сказала я Гжѣ. Мирванъ, позвольте мнѣ итти вонъ. Я не могу больше здѣсь оставаться. Какъ Мисъ Мирвана танцовала контртанецъ, то сыскали портшезъ, и Лордъ съ незнакомымъ меня проводили. Первой по-

далъ мнѣ руку съ такою ласковостію, каковой я мало заслуживала; другой обременялъ меня своими извиненіями. Я бы желала представить мои собственныя Милорду Орвилю, но не знала, какъ изъяснить. Онъ присылалъ сего утра обо мнѣ освѣдомиться, а Г. Клементъ Виллугбій (такъ зовутъ моего мучителя) самъ пріѣзжалъ; но я не входила, покуда онъ у насъ находился. Мнѣ весьма мало нужды въ томъ, что онъ обо мнѣ думать будетъ. Но, Милордъ Орвиль! ежели съ начала принялъ онъ меня за молодую дѣвку безумную, то теперь будетъ обвинять меня дерзкою и высокомѣрною; а вы, любезной и почтенной мой другъ, что подумаете о вашей Евелинѣ? Вамъ потребно совокупить всѣ ваши милости ко извиненію такого поступка.

Сіе письмо пишу я къ вамъ въ послѣдній разъ изъ Лондона. Отъѣздъ нашъ назначенъ завтрашняго дня. Завтра удалюсь я изъ сего большаго города, въ которомъ я весьма не подъ стать, ни малаго сожалѣнія объ немъ не имѣя, и обѣщаю никогда больше въ немъ не бывать. Для чего не могу я въ самую же сію минуту путь мой къ Беррилилу обратить, или лучше, почто не всегда я въ немъ оставалась?

ПИСЬМО XIV.

Продолженіе предыдущаго.

О! милостивой мой государь, вы безъ сумнѣнія считаете, что я теперь уже въ Говардъ-Гроу, или въ готовости къ отъѣзду; но ваше ожиданіе, желанія Капитановы и мои всѣ равно обмануты. Приключеніе столько же нечаянное, какъ и непріятное, наши намѣренія опровергли. Гжа. Дюваль находится теперь въ Лондонѣ. Мы съ нею нечаянно повстрѣчались при выходѣ изъ Спектакля, гдѣ мы были въ первой разъ.

Въ то время, какъ дожидались кареты: большая женщина, уже въ лѣтахъ, прошла мимо насъ, крича: "Боже мой! что мнѣ дѣлать? — Какъ, что дѣлать! сказалъ ей Капитанъ. Ахъ! государь мой, отвѣчала она: я здѣсь чужестранная, потеряла своихъ товарищей, а здѣсь никого не знаю.„ Дождь лилъ опрометной. Она была хорошо одѣта, и казалась быть въ такомъ смятеніи, что Гжа. Мирванъ сжалилась надъ ея состояніемъ. Капитанъ нѣсколько времяни колебался предложить ей мѣсто въ нашей каретѣ, однакожъ на то согласился по прозьбѣ своей супруги. Сія иностранка дорогою намъ сказала, что она живетъ въ улицѣ Оксфортской; что пріѣхала въ Англію только два дни тому

назадъ, и въ комедіи была съ двумя Парижскими жителями; что сіи господа оставили ее при выходѣ изъ театра, пошедши искать наемной кареты, и что долго ихъ дожидавшись, опасается, не заблудились ли они.

Мы проѣхали уже почти треть дороги, какъ одинъ изъ насъ примѣтилъ, что лошади тихо везутъ. Потерпите, сказалъ Капитанъ: они пойдутъ тѣмъ скорѣе завтра, когда насъ повезутъ въ Говардъ-Троу." Въ Говардъ - Гроу! вскричала чужестранка; да знаете ли вы Лади Говарду?„ — Гжа. Мирванъ отвѣчала ей, что она видитъ предъ собой ея зятя и дочь ея. — Сколько я обрадована сею нечаянною встрѣчею! Я пріѣхала въ Англію единственно только для того, чтобъ съ нею увидѣться." Мое имя безъ сумнѣнія вамъ не безъизвѣстно; я называюсь Дювальшею.„ Боже всемогущій! вскричала я противъ своей воли, и въ обморокѣ пала на колѣни къ Гжѣ. Мирванъ. Бабкѣ моей не могли скрыть причину моего внезапнаго возмущенія. Она старалась мнѣ помощь подать; но вы бы были разтронуты услыша, какимъ образомъ она отзывалась о злощастныхъ произшествіяхъ, о коихъ вы меня увѣдомляли съ такимъ сбереженіемъ. Всѣ нещастія, всѣ претерпѣнныя страданія моею матерью живо тогда начертавались въ воспоминовеніи моемъ.

Ахъ! милостивой мой государь, можетъ ли что нибудь случиться со мной страшнѣе и печальнѣе сего свиданія, (выключая одного только)?

Когда мы пріѣхали къ ея квартирѣ, то она просила меня къ себѣ войти, примолвя, что она постарается для меня сыскать спальню. Испужавшись и дрожа, я обратилась къ Гжѣ. Мирванѣ. Сія прелюбезная женщина тотъ часъ взяла мою сторону. Дочь моя, сказала она, Гжѣ. Дюваль, не можетъ вдругъ разстаться съ своею подругою; вы согласитесь на нѣкоторую отсрочку для приуготовленія ихъ къ сей разлукѣ." Извините, государыня, отвѣчала Гжа. Дюваль: сіе дитя не можетъ принадлежать столько близко Мисъ Мирванѣ, сколько мнѣ. " Что въ томъ нужды? прервалъ Капитанъ: сія дѣвица намъ отдана на руки, то мы не имѣемъ власти, какъ видите, ее у васъ оставить „... Я обѣщалась къ ней пріѣхать на другой день въ такой часъ, какъ ей угодно назначить. По нѣкоторомъ сопротивленіи, она звала меня къ себѣ вмѣстѣ завтракать, и наконецъ мы домой возвратились.

Какое нещастливое приключеніе! я не сомкнула глазъ во всю ночь; тысящекратно лучше бы я желала остаться въ Берри-Гиллѣ. Я всячески буду стараться, чтобъ скоро къ вамъ возвратиться; а возвратив-

шись въ сіе благополучное и безмятежное пребываніе, не оставлю его уже больше ни для какихъ увеселеній въ свѣтѣ.

Гжа. Мирванъ по своей благосклонности пожаловала проводила меня сего утра къ Гжѣ. Дюваль, принявшей меня со всею ласковостію, которую она могла только имѣть по моему мнѣнію. Наше свиданіе, кажется, ее очень тронуло; но я крайне встревожена была страхомъ, когда намъ сказала, что ея цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ меня отвезти во Францію; что Г. Дюваль, коего она называетъ самымъ злѣйшимъ изъ мужей, воспрепятствовалъ ей исполнить скорѣе сіе намѣреніе, и что наконецъ по смерти его, случившейся около трехъ мѣсяцовъ, она поспѣшала своимъ сюда пріѣздомъ, чтобъ меня съ собою взять. Гжа. Мирванъ, почти столько же возмущенная, какъ и я, дѣлала ей вскользь отвѣты, и не знаю, чемъ бы кончилось сіе посѣщеніе, естьлибъ Капитанъ не пріѣхалъ за своей супругой. Онъ настоялъ усильно, чтобъ я возвратилась съ ними. Гжа. Дюваль казалась огорченною его поступкомъ; но умягчилась по милости Гжи. Мирваны, которая позвала ее къ себѣ провести вечеръ съ нами вмѣстѣ. Съ великою трудностію Капитанъ согласился на отсрочку нашего отъѣзда. Но не можно было, не наруша благо-

пристойности, оставить Лондонъ въ то самое время, какъ Гжа. Дюваль со мною въ немъ свидѣлась; а чтобъ жить мнѣ одной съ нею подъ ея покровительствомъ, сію мысль Гжа. Мирванъ по своей милости умѣла предупредить. И такъ надлежало рѣшиться еще на недѣлю въ городѣ остаться. Я ожидаю вашихъ отеческихъ наставленій, и смѣю надѣяться на вашу подпору въ семъ нещастливомъ дѣла положеніи. Ахъ! никогда не имѣла я столь сильной нужды въ вашей великодушной дружбѣ.

ПИСЬМО XV.

Отъ Г. Вилларса къ Евелинѣ.

Я ожидалъ, любезная моя Евелина, извѣстія объ отъѣздѣ вашемъ изъ Лондона, и отлагалъ писать къ тебѣ до того времени, когда вы возвратитесь въ Говардъ-Гроу; но письмо, которое лишь только я получилъ, и чрезъ кое узналъ о пріѣздѣ въ Лондонъ Гжи. Дюваль, требуетъ скораго отвѣта.

Ея пріѣздъ въ Англію производитъ во мнѣ печаль и безпокойство. Сколько я пожалѣлъ объ тебѣ, любезное мое дитя, читая описаніе встрѣчи сколь мало ожиданной,

столь меньше того желанной; я уже давно зналЪ ея намѣренія, и предвидѣлЪ еще за нѣсколько лѣтЪ тѣ споры, которыми она угрожаетЪ намЪ нынѣ.

Однакожь, моя дорогая, во всемЪ томЪ не унывай. Покуда я живЪ, со всегдашнею моею готовостію служить долгЪ имѣю, и возьму всевозможныя мѣры кЪ содѣланію твоего благополучія и по смерти моей твердымЪ. И такЪ будь увѣрена о моей кЪ тебѣ горячности, и не предавайся страхамЪ, которые Гжа. Дюваль можетЪ тебѣ причинить. Поступай сЪ нею сЪ почтеніемЪ и всевозможнымЪ уваженіемЪ, подобающимЪ столь ближней родственницѣ. Помни притомЪ, что когда она и позабываетЪ свой долгЪ, но не терпитЪ, чтобЪ пренебрегала ты свой собственной; чемЪ больше будутЪ тебѣ извѣстны проступки другихЪ, тѣмЪ больше, любезная моя, старайся избѣгать даже слѣдовЪ оныхЪ. Я совѣтую тебѣ предохранить себя, чтобЪ никакой видЪ пренебреженія или холодности не подалЪ ей причины подозрѣвать тебя вЪ независимости, о которой я тебя предувѣряю; и когда она назначитЪ время кЪ своему отъѣзду, то надѣйся, что я всѣ преграды поставлю противЪ ея предпріятій; возьми мое слово, что ты сЪ нею не поѣдешь.

Сколько новЪ для тебя родЪ жизни, которой ты теперь ведешь! . . . АхЪ, мое дитя! ты всего того лишишся по возвращенiи твоемЪ сюда. Ужасаюсь, помышляя о будущемЪ твоемЪ спокойствiи . . . Но во всемЪ надѣюсь на доброту твоего сердца, и на природную пылкость твоего сложенiя.

Я полагаю, что ты уже больше не увидишь сего Г. Клемента Виллугбiя. Его глупость и дерзость крайне меня огорчили. СЪ другой стороны я даже до слезЪ тронутЪ благосклоннымЪ поведенiемЪ Милорда Орвиля. Но надѣюсь, что не смотря на его учтивство, ты уже не возмечтаешЪ больше навлечь на себя оное. Прощай, мое любезное дитя! да избавитЪ тебя БогЪ навсегда отЪ нещастiя и порока! да не лишитЪ тебя никогда того удовольствiя, которое приноситЪ невинность, сiе чувствованiе, кое составляетЪ собственное твое благополучiе, производящее притомЪ удовольствiе во всѣхЪ тебя любящихЪ!

ПИСЬМО XVI.

ОтЪ Евелины кЪ Г. Вилларсу.

Вчера около пятаго часа Гжа. Дюваль прiѣхала кЪ намЪ. СЪ нею былЪ вЪ провожанiи одинЪ ФранцузЪ, коего она представила

подъ имянемъ Г. Дюбуа. Гжа Мирванъ приняла ихъ обоихъ съ обыкновенною учтивостію; она предложила ѣхать въ Ренелагъ, на что Гжа. Дюваль съ охотою согласилась. Вскорѣ послѣ того намъ доложили о Г. Клементѣ Виллутбіи. Онъ тотчасъ вступилъ въ разговоръ съ Гжею. Дюваль и Капитаномъ о Французскихъ нравахъ. Разговоръ продолжался съ сильнымъ преніемъ. Капитанъ защищалъ преимущество Англичанъ во всѣхъ случаяхъ, а Гжа Дюваль ни во что ихъ ставила. Г. Клементъ употреблялъ вдругъ и силу разума и глупости къ поддерживанію и утвержденію всего того, что нравится больше Капитану. Онъ примѣтилъ, что противясь мнѣнію Гжи. Дюваль, заслужитъ пріязнь хозяинову, и въ догадкѣ своей не ошибся: онъ вскорѣ имѣлъ причину поздравить себя съ полнымъ успѣхомъ. Гжа. Мирванъ, страшась худыхъ слѣдствій столь задорнаго спора, покушалась нѣсколько разъ прекратить разговоръ между ими, и можетъ быть успѣлабъ въ томъ, ежелибъ Г. Клементъ своими колкими и язвительными словами не пріобрѣлъ благосклонности Капитановой. Гжа. Дюваль, не могши противиться соединеннымъ силамъ двоихъ сопротивниковъ своихъ, дрожала отъ ярости.

Гжа. Мирванъ наконецъ сказала къ великому моему удовольствію, что уже время ѣхать. Г. Клементъ всталъ и хотѣлъ прощаться, но Капитанъ весьма дружественно просилъ его вмѣстѣ съ нами ѣхать. Онъ отвѣчалъ, что согласился-было уже съ другими, но отказывается отъ того, чтобъ имѣть удовольствіе съ нами остаться. Такое было множество, что естьли бы не особливыя старанія Г. Клемента Виллутбія, то едва ли бы мы сыскали бесѣдку въ саду, прежде нежели половина пріѣзжихъ людей разъѣхалась.

Нѣсколько госпожъ, знакомыхъ Гжѣ. Мирванѣ, остановились для разговариванія съ нею, и просили ее проходиться съ ними по залѣ. Она насъ оставила; но представте, сколько я удивилась, когда назадъ пришла вмѣстѣ съ Лордомъ Орвилемъ! Госпожи пошли опять прохаживаться, а Гжа. Мирванъ сѣла съ нами; она слегка, но съ учтивостію просила Лорда напиться съ нами чаю. на что согласился онъ къ великому моему смятенію.

Сіе снова меня возмутило столько же, сколько напоминаніе о нещастномъ *Ридотѣ*; съ другой же стороны теперишнее мое состояніе прибавило еще во мнѣ замѣшательства; я сидѣла между Гжею. Дюваль и Г. Клементомъ, которой, думаю, не меньше меня былъ

тронутъ прибытіемъ Лорда Орвиля. Лишь только онъ занялъ мѣсто, то зделалось всеобщее молчаніе: отъ его присутствія мы всѣ были въ принужденіи, хотя по разнымъ причинамъ.

Гжа. Дюваль прежде всѣхъ нарушила молчаніе, и то для того, чтобъ опять поднять споръ, продолжавшійся съ великимъ раздраженіемъ. Лордъ не мѣшался въ оной, и какъ скоро отпили чай, то Гжа. Мирванъ, которая съ смущеннымъ видомъ все то слушала, предложила намъ съ нею въ залѣ проходиться. Мы встали тотъ часъ, я и дочь ея. Милордъ Орвиль за нами пошелъ, другіе же прочіе остались. Наконецъ разговоръ начался вѣжливой и веселой. Я бы съ удовольствіемъ въ него вмѣшалась, естьлибъ могла забыть *Ридото*. Знаю, что я Лорду подала право мнѣ выговаривать въ моей глупости: я нетерпѣливо желала предъ нимъ извиниться, и не возможно мнѣ было начать говорить о такомъ произшествіи, въ коемъ я надѣлала столько непростительныхъ поступковъ; и такъ едва могла я говорить во все время нашей прогулки. Я была увѣрена, что онъ имѣлъ обо мнѣ худое мнѣніе; сія мысль безпрестанно меня мучила, и заставляла бояться, чтобъ онъ не перетолковалъ въ худую сторону все то, что я ни

моглабъ говорить. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобъ пользоваться разговоромъ, которой въ другихъ обстоятельствахъ былъ бы для меня крайне пріятной, я пребыла въ молчаніи, въ печали и въ стыдѣ. Сколько замѣшательства навлекъ на меня одинъ только проступокъ! Ежели я когда-либо опять ту же ошибку сдѣлаю, о! сколько достойна буду жестокаго наказанія.

Раза два или три прошли мы вокругъ залы, прежде нежели другія наши собесѣдники къ намъ подошли. Они все также еще спорились; что и принудило Гжу. Мирвану ѣхать подъ тѣмъ видомъ, что будто бы устала. Она сдѣлала къ тому предложеніе, которое всѣми единогласно было принято. Милордъ Орвиль требовалъ нашихъ приказаній, но наши Кавалеры, поблагодаря за его привѣтливое предложеніе, онъ обратился къ другой компаніи, и мы поѣхали, женщины и Г. Дюбуа въ каретѣ Гжи. Мирваны, а Капитанъ съ Г. Клементомъ Виллугбіемъ. Но не успѣли еще отъ Ренелага шатовъ съ тридцать отъѣхать, какъ карета подломилась, и мы всѣ вдругъ громко закричали. Разсуждая по сему крику, я навѣрное сочла, что никого не было, ктобъ изъ насъ не подумалъ, что мы всѣ смертельно ушиблись. Кучеръ остановился, лакеи подбѣжали,

и мы всѣ вышли здоровы и безвредны. Уже была ночь и шелъ дождь. Я не успѣла ступить, но Г. Клементъ уже меня поддерживалъ; просилъ, чтобъ я позволила ему подать мнѣ помощь, и не дожидаясь отвѣта, отнесъ меня на рукахъ въ Ренелагъ.

Онъ навѣдывался съ великимъ попеченіемъ, не повредила ли я себя. Я увѣряла его, что не чувствую ни малѣйшей боли, и просила его меня оставить и пошелъ бы къ прочимъ нашимъ сопутникамъ, о коихъ я весьма безпокоилась; ибо не знала, всѣ ли они такъ благополучно находились какъ я. Онъ мнѣ сказалъ, что за честь себѣ считаетъ мои приказанія, и что поспѣшитъ ихъ исполнить; но видя, что я дождемъ была замочена, просилъ меня войти въ теплую комнату. Онъ не слушалъ моихъ противорѣчій, и принудилъ меня слѣдовать за собою въ комнату, гдѣ былъ огонь въ каминѣ, и нѣсколько людей дожидавшихся своихъ каретъ. Я сѣла, прося его опять меня оставить.

Онъ въ самой вещи ушелъ, но опять вдругъ явился, сказавъ мнѣ, что идетъ проливной дождь, и что приказалъ своимъ людямъ итти на помощь къ *Мирванамъ*, и дать имъ знать обо мнѣ. Я весьма досадовала за то, что онъ не принялъ самъ на себя

сего труда, но для того, что я не была еще съ нимъ такъ коротко знакома, не хотѣла того ему выговорить, ниже принудить противъ воли его къ сей ласковости.

Онъ подвинулся со стуломъ ко мнѣ, и опрося меня въ другой разъ, какъ я въ моемъ здоровьѣ, проговаривалъ тихимъ голосомъ: „Я прошу простить мнѣ Мисъ Анвиль, ежели желая оправдаться, не упускаю „случая принесть извиненіе въ безпутномъ „поступкѣ моемъ *въ Ридотѣ*. Будьте увѣ„рены, Мисъ, что я имѣю въ томъ искрен„нее сожалѣніе, и естьлибъ мнѣ позволено „было въ томъ признаться“ . . .

Онъ остановился, и я ему ничего на то не отвѣчала. Въ самое то время человѣкъ его отворилъ дверь, и къ удовольствію моему я увидѣла всѣхъ моихъ друзей безъ малѣйшаго имъ причинившагося прискорбнаго приключенія. И такъ мы заплатили за то однимъ только страхомъ, а Гну. Клементу не удалось воспользоваться случаемъ, которой привелъ его нечаянно быть вмѣстѣ одинъ на одинъ со мною.

ПИСЬМО. XVII.

Отъ нея къ нему же.

Г. Клементъ Виллутбій пріѣзжалъ къ намъ вчера поутру, и Г. Мирванъ удержалъ его обѣдать, а я провела день самымъ скучнымъ образомъ. Я ѣздила къ Гжѣ. Дюваль, такъ какъ обѣщала и застала ее съ завтракомъ на постелѣ.

Она оставила меня у себя на цѣлой день, которой былъ опредѣленъ, говорила она, на то, чтобъ спознакомить меня со многими особами своей родни. Я бы желала отъ сего избавиться; но должно было согласиться противъ моей воли. Во многихъ вопросахъ съ ея стороны и отвѣтахъ, которые она отъ меня почти насильно вымучила, прошло все то время, покуда мы были одни. Любопытство ея было ненасытно; она хотѣла точно узнать всѣ приключенія моей жизни, и отъ меня требовала, чтобъ я ей разсказала всѣхъ тѣхъ, съ которыми я жила. Еще она имѣла столько жестокосердія, что открылась мнѣ въ своей ненависти къ единому благодѣтелю ея дочери и внукѣ, къ которому они прибѣгли во время ихъ бѣдности. Ея неблагодарность произвела во мнѣ жесточайшее негодованіе; я хотѣла-было бѣжать отъ ея присутствія и изъ ея дому, естьлибъ не удержала ме-

ня самымЪ рѣшительнымЪ образомЪ. Боже мой! что ее возбуждаетЪ кЪ столь вопіющей несправедливости? Она мнѣ повторяла нѣсколько разЪ, что располагается меня отвезти вЪ ПарижЪ, для того больше, что мнѣ нужно Французское воспитаніе. Она очень жалѣла, что я воспитана вЪ деревнѣ, гдѣ не научилась *расторопности*: однакожЪ она мнѣ говорила, чтобЪ я не отчаевалась, ибо она знала многихЪ молодыхЪ дѣвицЪ, еще худшихЪ меня, которыя по нѣкоемЪ пребываніи вЪ чужихЪ краяхЪ поправились. Родственники, которымЪ она меня представила, были Г. БрантонЪ, сынЪ его и двѣ дочери. Отцу, которой племянникЪ Гжи. Дюваль, есть около сорока лѣтЪ. ОнЪ довольно разуменЪ, но мнѣ кажется имѣетЪ много предразсудковЪ. ОнЪ никогда не выѣзжалЪ изЪ столицы, и предполагаю, что онЪ имѣетЪ великое презрѣніе ко всѣмЪ жившимЪ вЪ уѣздныхЪ городахЪ. Его сынЪ показался мнѣ не очень разумнымЪ, хотя нравЪ имѣетЪ онЪ веселой; но веселость его походитЪ на вѣтренаго бурливаго школьника. ОнЪ мало уважаетЪ отца, по причинѣ чрезвычайной привязанности кЪ труду и его сребролюбія; я вЪ немЪ не примѣтила, чтобЪ онЪ имѣлЪ довольно дарованій кЪ достиженію вышшей степени.

Главное его удовольствіе состоитЪ вЪ томЪ, чтобЪ досаждать и насмѣхаться надЪ своими сестрами, которыя вЪ отмщеніе очень его презираютЪ. МисЪ Брангтонова старшая весьма пригожа, но которая имѣетЪ видЪ гордости, принужденія и недружелюбнаго обхожденія. Она ненавидитЪ Лондона, сама не знаетЪ для чего, ибо легко можно видѣть, что изЪ него никогда не выѣзжала. МисЪ - Поли - БрангтонЪ можно назвать пріятною; она чрезвычайно проста, вѣтренная, столько же невѣжа, какЪ и ея сестра, и не смотря на все то, можетЪ быть доброй души.

Сіи добрые люди принуждены были отдыхать больше получаса, по причинѣ усталости отЪ дороги, которая, сказали они, была безмѣрно мучительна. Они пришли пѣшкомЪ изЪ Сноу - Гиль, гдѣ Г. БрангтонЪ содержитЪ лавку золотой посуды. Крайне досадно было мнѣ то, какимЪ образомЪ Гжа. Дюваль познакомила меня сЪ своимЪ семействомЪ. ВотЪ, сказала она, мои друзья, родня, о которой вы конечно и не помышляли; это дочь, которую родила моя Каролина послѣ побѣгу своего отЪ меня. — Я не давно узнала, что она есть на свѣтѣ; ее отЪ меня скрывали, и до сихЪ порЪ сія бѣдненькая была лишена единой подпоры, которая оставалась ей на свѣтѣ.

(Мисъ - Поли). Мисъ кажется имѣетъ доброе сердце, и не заслуживаетъ быть жертвою непокорности своей матери.

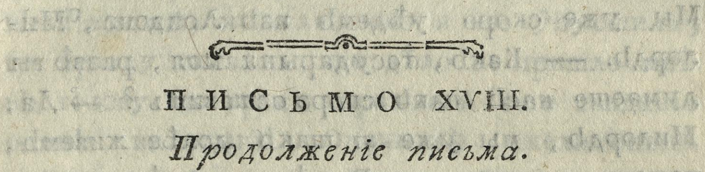
(Гжа. Дюваль). Для сей - то причины и не желаю я ей ни малѣйшаго зла; а что касается до самой ея матери, бѣдной Каролины, то и она не такъ много виновата предо мною, какъ думаютъ; ибо я мню, что она никогда бы не бѣжала изъ дому отцовскаго, естьлибъ не худыми совѣтами извѣстнаго деревенскаго попа.

(Мисъ - Поли) Станемъ говорить о чемъ нибудь другомъ, тетушка; разговоръ нашъ кажется огорчаетъ сію молодую дѣвицу. Тотчасъ стали разговаривать о нашихъ лѣтахъ, о станахъ, о уборахъ, о спектакляхъ, о всѣхъ сихъ публичныхъ мѣстахъ разсуждали они очень остроумно, такъ что даже изъ силъ выбились. Но представьте, сколько меня тронуло то, когда я подъ конецъ узнала изъ нѣкоторыхъ неосторожно выговоренныхъ словъ Гжею. Дюваль, что она занималась увѣдомить Г. Брангтона о самыхъ тайныхъ подробностяхъ моихъ дѣлъ. Сіе повѣствованіе произвело любопытство въ старшей дочерѣ Брангтоновой; меньшая съ сыномъ остались со мною, видно для того, чтобъ меня утѣшить. Мисъ Брангтонъ

опять скоро возвратилась къ намъ, говоря своей сестрѣ: представь себѣ Поли, Мисъ никогда не видала своего отца. Какъ же это Мисъ, вскричала другая, ты никогда не навѣдывалась знать его? Сіе уже вывело меня изъ терпѣнія; я тотчасъ встала, и вышла вонъ изъ комнаты; обѣ сестры побѣжали за мною, и старались меня утѣшить. Какъ скоро я опять взошла, Гжа. Дюваль спросила, что мнѣ сдѣлалось, и для чего я ее оставила?

Я-было опять хотѣла уйти, не зная, что отвѣчать. Сія женщина очень несносна; она меня приведетъ сперва въ жесточайшее смятеніе, а по томъ и удивляется моей чувствительности. Молодой Брангтонъ между прочими остроумными вопросами спрашивалъ меня: видала ли я башню, церковь С. Павла, оперу? Его сестры не имѣли никакого понятія о семъ спектаклѣ, и сдѣлали предложеніе всѣмъ вмѣстѣ ѣхать туда при первомъ случаѣ. Я довольствовалась имъ сказать, что я въ своемъ времяни не властна, и совершенно завишу отъ Гжи. Мирваны, покуда нахожусь въ Лондонѣ. Я весьма рѣшилась не быть участницею въ ихъ компаніи, ежели только можно отъ того избавиться.

Наконецъ я простилась съ Гжею. Дюваль: она меня опять звала завтра пріѣхать; Бранштоны приглашали меня пріѣхать къ нимъ въ Сноу-Гиль; я сама въ себѣ думала, это не такъ скоро сдѣлается; по крайней мѣрѣ желаю, чтобъ знакомство наше вскорѣ пресѣклось. Ежели всѣ мои родныя таковы же, каковыхъ мнѣ вчерась представили, то признаюсь, что не имѣю великаго желанія жадничать чести ихъ знакомства.

ПИСЬМО XVIII.

Продолженіе письма.

Я еще не успѣла кончить письма въ нынѣшнее утро, какъ услышала чрезвычайной стукъ у дверей; я сошла внизъ, и отгадайте, кого я увидѣла въ гостинной залѣ? — Милорда Орвиля. Онъ находился одинъ, ибо домашніе не собрались еще къ завтраку. Онъ освѣдомлялся о здоровьѣ моемъ, Гжи. Мирваны и ея дочери. Узнавъ о происшествіи случившемся съ нами въ Ренелагѣ, изъявлялъ мнѣ свое безпокойствіе самымъ учтивымъ образомъ, и сожалѣлъ, что упустилъ случай представить намъ свои услуги. Но, примолвилъ онъ, Г.

Клементъ Виллутбій, ежели не ошибаюсь, былъ щастливѣе меня.

Я ему отвѣчала, что онъ провелъ то время съ Капитаномъ. А мнѣ сказали, государыня моя, что съ вами. Я думаю, что сей вертопрахъ не будетъ хвалиться, что *мнѣ одной только* подалъ помощь. Милордъ Орвиль прибавилъ къ тому, что онъ надѣется, что сіе прискорбное приключеніе не возпрепятствуетъ мнѣ и впредь украшать Ренелагъ моимъ присутствіемъ? — Мы уже скоро уѣдемъ изъ Лондона, Милордъ. — Какъ, государыня моя, развѣ вы думаете насъ такъ скоро оставить? — Да, Милордъ, мы уже и такъ долѣе живемъ, нежели думали. — Развѣ вы имѣете привязанность непреоборимую къ сельскому пребыванію? — Мы пріѣхали сюда только встрѣтить Капитана Мирвана. — Развѣ Мисъ Анвиль не беретъ ни малѣйшаго участія въ тѣхъ людяхъ, которые будутъ опечалены ея отъѣздомъ? — Милордъ, я увѣрена, что вы себѣ и не воображаете. — На томъ я остановилась, и сама право не знала, что хотѣла сказать. Милордъ Орвилъ подошелъ ко мнѣ, и взявъ руку, сказалъ: *я воображаю себѣ*, что довольно одинъ разъ увидѣть Мисъ Анвиль, чтобъ имѣть ее всегда въ неизглаждаемой памяти.

Такое привѣтствіе — въ устахъ Лордовыхъ совсѣмъ пресѣкло у меня рѣчь. Я чувствовала, что въ лицѣ перемѣнилась, и потупила глаза въ молчаніи. Однакожъ скоро поправилась, и отнявъ руку, сказала, что пойду посмотрю, одѣлась ли Гжа. Мирвана. Всѣ домашніе шли уже по лѣстницѣ, и я вмѣстѣ съ ними же къ завтраку возвратилась.

Тутъ было самое удобное время извиниться предъ нимъ въ поступкѣ моемъ въ *Ридотѣ*, и жаль, что я его упустила; но правду сказать, сіе дѣло не пришло мнѣ въ голову во время краткаго сего свиданія одинъ на одинъ. Однакожъ ежели опять найду такой полезной случай, то конечно онымъ воспользуюсь. Думая, что онъ меня почитаетъ или дурою, или горделивою, истинно сожалѣю и досадую за то, что подала нѣкоторымъ образомъ поводъ моею собственною ошибкою.

Но что вы скажете, государь мой, о семъ привѣтствіи? Не кажется ли оное вамъ заключающимъ въ себѣ нѣчто особенное? Я не ожидала сего съ его стороны; — мущины, какъ я примѣчаю, обходятся всѣ съ ласкательствами съ женщинами, какихъ бы впрочемъ хорошихъ качествъ они ни были.

Ни за какимъ столомъ не бывало такого веселія съ самаго нашего сюда пріѣзда, какъ за нынѣшнимъ завтракомъ. Разговоръ Лорда Орвиля самой пріятнѣйшій. Обхожденіе тихое, учтивое и скромное внушаетъ къ нему довѣренность, возбуждая всеобщее почтеніе. Вмѣсто того, чтобъ надѣяться на свои достоинства, онъ старается всѣмъ угождать въ собраніяхъ, и хотя увѣренъ въ своихъ успѣхахъ, однако ни мало тѣмъ не гордится. Желала бы я, милостивой мой государь, чтобъ вы съ нимъ познакомились; я увѣрена, чтобы вы его полюбили. Съ однимъ имъ въ Лондонѣ желаю я снискать вамъ знакомство. Иногда я представляю, что когда лѣта умѣрятъ его пылкость, и будетъ жить повоздержнѣе, тогда онъ походить будетъ на того человѣка, котораго я люблю и почитаю наибольше. Теперешняя его пріятность, учтивство, уступчивая недовѣрчивость къ самому себѣ, кажется, предвѣщаютъ впредь такую же благосклонность, такое же достоинство и добросердечіе, которое въ васъ предпочитаю. Гжа. Дюваль пріѣзжала къ намъ вчера къ обѣденному кушанью, и мы были вмѣстѣ съ нею въ театрѣ Дрюриланскомъ; она оказывала мнѣ много любви, но ни мало не входила въ подробности о своихъ намѣ-

реніяхъ, что меня не мало успокоило. Дай Боже! чтобъ ваше спокойствіе отъ всего иного ни мало не претерпѣло.

ПИСЬМО XIX.

Продолженіе письма Евелины.

Вчерашній день былъ столько изобиленъ произшествіями, что можно бы наполнить оными цѣлую книгу. По полудни, въ Берри-Тиллѣ сказала бы я *ввечеру*, ибо было около шести часовъ, пока Мисъ-Мирвана и я занимались уборкою и веселіемъ, ожидающимъ насъ въ театрѣ, мы услышали стукъ кареты, остановившейся у дверей. Сперва мы было подумали, что то Г. Клементъ Виллутбій, которой по обыкновенной своей поспѣшности пріѣхалъ, чтобъ сопровождать насъ въ Гай-Маркетской театръ; но какъ мы удивились, увидя вошедшихъ въ комнату обѣихъ дѣвицъ Брангтоновыхъ! Они подошедши ко мнѣ съ весьма дружественнымъ видомъ, сказали: *Здравствуй сестрица, какова ты? О го! мы тебя захватили передъ зеркаломъ! мой братъ, будь увѣрена, объ этомъ свѣдаетъ.*

Мисъ Мирвана не зная ихъ, и не понимая, что думать о семъ пріѣздѣ, пока-

зывала въ томъ свое удивленіе весьма страннымъ образомъ. Старшая Брангтонова сказала мнѣ наконецъ причину ихъ пріѣзда: онѣ пріѣхали за тѣмъ, чтобъ меня взять вмѣстѣ съ собою въ театръ, и мы мимоѣздомъ должны остановиться у Гжи Дюваль, которая съ нами туда же поѣдетъ; я имъ на то сказала, что уже слово дала туда ѣхать съ Гжею Мирваною. Онѣ напрашивались въ такомъ случаѣ быть имъ всѣмъ вмѣстѣ съ нами въ одной компаніи; сіе предложеніе меня смутило; но невѣжливость дѣвицъ Брангтоновыхъ уменьшила трудъ, которой я имѣла имъ въ томъ отказать. Хотя бы я и хотѣла пріобщить ихъ быть вмѣстѣ съ нами, но одежда ихъ уже воспрепятствовала оному; и какъ видно было, что они въ томъ несомнѣнными оставались, то я принужденною нашлась дать имъ почувствовать всѣ препятствія со всевозможною осторожностію. Сіе изтолкованіе привело ихъ въ огорченіе, такъ что вышли раздраженныя, сказавъ мнѣ, что онѣ очень сожалѣютъ о причиненномъ мнѣ безпокойствіи; но что я лучшебъ сдѣлала, естьлибъ не такъ чинилась съ своей родней.

Сіе посѣщеніе какъ мнѣ непріятно ни было, однакожъ я была очень довольна, что отдѣлалась отъ него, и больше о немъ не

помышляла. Скоро послѣ того Г. Клементъ пріѣхалъ, и мы сошли внизъ. Гжа. Мирвана велѣла подать чаю, и мы вели разговоръ довольно пріятной, какъ вдругъ слуга доложилъ о пріѣздѣ Гжи. Дюваль, которая скоро за нимъ и вошла. Лице ея было какъ огненное, а глаза наполненные гнѣвомъ. Она приступила ко мнѣ поспѣшно: такъ-то, Мисъ, сказала она мнѣ, ты отказываешься ѣхать ко мнѣ. А кто ты такова, скажи пожалуй, что осмѣливаешься меня ослушиваться? Я была внѣ себя, ничего не отвѣчала: всѣ были изумлены; одна Гжа. Мирвана была только порядочна. Капитанъ взялъ на себя повелительной видъ, но Гжа. Дюваль не внимая никакихъ его рѣчей, мнѣ приказала немедленно за ней итти, что въ противномъ случаѣ я разкаяваться буду во всю мою жизнь за мое непослушаніе. Выговоря сіи слова, вышла она изъ комнаты. Я была объята смертнымъ ужасомъ, и думала, что упаду бездыханна; мое сердце не привыкло къ худому обхожденію, ни къ угрозамъ. Не тревожься, душа моя, сказала мнѣ Гжа. Мирвана: будь спокойна, я пойду къ Гжѣ. Дюваль, и посмотрю, не можно ли будетъ привести ее въ разсудокъ. Марія всячески старалась меня утѣшать; Г. Кле-

ментЪ также бралЪ участіе вЪ моемЪ состояніи, такЪ что я ему за то была благодарна. Но Гжа. Мирвана тщетно старалась ее укротить. Дорогая моя Евелина, войдя, сказала она мнѣ: Гжа. Дюваль не умолима, и ничто не пособляетЪ кЪ ея утоленію; я ей обѣщала, что вы сЪ нею вЪ другой день поѣдете; но страшусь того, что ежели мы будемЪ продолжать ей сопротивляться, чтобЪ она сЪ вами явно не поссорилась, однакожЪ этого-то и должно убѣгать. И такЪ я рѣшилась сЪ нею ѣхать; мы пришли сЪ ней вЪ нижнюю залу. Она мнѣ сказала нѣсколько словЪ язвительныхЪ, и я сѣла кЪ ней вЪ наемную карету. Вы можете себѣ представить, что проѣздЪ нашЪ былЪ не изЪ пріятнѣйшихЪ: я не знаю, кто изЪ насЪ двухЪ былЪ недоволнѣе; между тѣмЪ Гжа. Дюваль скоро установилась. Пріѣхавъ кЪ ней, мы нашли БрангтоновЪ насЪ ожидающихЪ. Дѣвицы очень пристально осматривали мой нарядЪ, которой подлинно не сходствовалЪ сЪ ихЪ одеждой: я хотѣла одѣться подЪ пару кЪ нимЪ, и просила, чтобЪ достали мнѣ какую нибудь шляпу или чепецЪ. Но не возможно было достать ихЪ: и такЪ надлежало остаться при моемЪ нарядѣ.

ЕстьлибЪ я была повеселѣе, то много бы нашла случаевЪ смѣяться, выходя изЪ

кареты: они не имѣли никакого понятія о всемъ томъ, что до оперы относится. Тѣмъ начать, что даже не знали, чрезъ которую дверь входятъ, и мы очень долго вокругъ театра бродили, не знавъ, въ которую сторону обратиться: имъ не разсудилось спросить о томъ меня, хотя я была одна изъ всѣхъ, которая бывала въ семъ спектаклѣ. Имъ было бы прискорбно показаться меньше свѣдущими о публичныхъ собраніяхъ Лондонскихъ, нежели ихъ *сестра деревенская*, такъ имъ угодно было меня называть. Наконецъ пришли мы къ тому, кто билеты раздаетъ. Г. Брангтонъ спросилъ у него: для какихъ мѣстъ онъ раздаетъ оные? Онъ отвѣчалъ: для амфитеатра. Онъ вынулъ изъ кошелька одну гинею, за которую ему дали два билета. Г. Брангтонъ выпучилъ глаза: что значутъ сіи два билета? сказалъ онъ раздавателю оныхъ, мнѣ надобно больше. Какъ, государь мой, развѣ вы не знаете, что положено по полугинеи съ человѣка? О! въ такомъ случаѣ мы можемъ и не быть въ амфитеатрѣ. Я такъ же думаю, сказалъ раздаватель, что симъ госпожамъ лучше будетъ въ галлереѣ. Г. Брангтонъ тотчасъ проводилъ насъ туда. Какая цѣна мѣсту? спросилъ онъ у раздавателя оныхъ. Обыкновенно, государь мой, отвѣча-

ли ему. Промѣняйте же мнѣ, сказалъ ему Брангтонъ, отдавая ему гинею. На сколько персонъ? Для шести. Для шести? Но вы мнѣ мало даете. Мало? сколько же надобно? не уже ли также по полугинеи съ человѣка? Нѣтъ, государь мой, только по пяти шилинговъ. Г. Брангтонъ положилъ опять въ карманъ свою нещастную гинею, говоря, что никогда не допуститъ такъ себя обдирать. Я предложила ѣхать назадъ домой: Гжа. Дюваль не согласилась. Наконецъ проводили насъ къ дверямъ галлереи, гдѣ и взяли билеты. Гжа. Дюваль горестно жаловалась на худое мѣсто, которое намъ выбрали, и дѣйствительно она была въ томъ права, ибо мы были въ *райкѣ*.

Какъ ни прискорбно для меня было, что въ семъ обществѣ находилась, и какъ ни горестно я себѣ напоминала мною лишившагося, однако же забыла бы свою тоску, естьлибъ по крайней мѣрѣ не мѣшали мнѣ слушать оперу; но несносное лепетаніе Брангтоновъ не переставало, и я пропустила много прекрасно пѣтыхъ арій, кои сдѣлалибъ мнѣ несказанное удовольствіе. Взглянувъ на амфитеатръ, тѣмъ больше умножилось мое прискорбіе: Милордъ Орвиль находился подлѣ Гжи. Мирваны. Г. Клемента глаза обращенные на первую галлерею,

гдѣ конечно меня искалъ. Я бы желала на тотъ случай остаться невидимкою, но однакожъ наконецъ онъ меня усмотрѣлъ. Во время послѣдняго балета онъ пришелъ къ дверямъ нашей галлереи. Какъ скоро могъ онъ разговаривать, просилъ у меня позволенія ко мнѣ притти. Я просила его отвезти меня къ Гжѣ. Мирванѣ, на что онъ съ удовольствіемъ согласился; а я обратясь къ Гжѣ. Дювалѣ, сказала ей, что такъ какъ ея компанія весьма многочисленна, я пойду испросить себѣ мѣсто въ каретѣ у Гжи. Мирваны, и не ожидая ея отвѣта, дала руку Г. Клементу и вышла изъ галлереи. Онъ казался быть тѣмъ чрезвычайно доволенъ, а я столько проста, что радовалась сама, оставя столь скучную компанію. Но какъ скоро мы внизъ сошли, то и предвидѣла, что между такою толпою трудно будетъ дойти до моихъ пріятелей, и начала безпокоиться. Я просила проводника своего постараться увѣдомить Гжу. Мирвану, что я разсталась съ Гжею. Дюваль. Я опасаюсь, государыня, что это не возможно будетъ, отвѣчалъ онъ; но я беру на себя довезти васъ къ вамъ. И въ самое то время приказалъ человѣку своему велѣть подвезти карету. Я не хотѣла принять отъ него сего предложе-

нія, и сказала прямо Г. Клементу, что я никакъ не поѣду безъ Гжи. Мирваны. Но какъ ее найти? спросилъ онъ. Вы не хотите войти въ Амфитеатръ, я не могу послать туда моего человѣка, а мнѣ никакъ не возможно оставить васъ здѣсь одну, чтобы самому мнѣ туда возвратиться. Противъ столь неоспоримыхъ доводовъ отвѣчать нечего, и должно было оными довольствоваться; но сколь скоро я немного обозрѣлась, то рѣшилась никакъ не ѣхать съ нимъ въ его каретѣ, и ему сказала, что я лучше опять пойду къ моимъ сотоварищамъ. Онъ не хотѣлъ и слушать о томъ, неотступно меня прося не отнимать отъ него оказанной мною къ нему довѣренности.

Во время сего разговора увидѣла я Милорда Орвиля на нашемъ пути. Какъ скоро онъ примѣтилъ меня, то оставилъ свою компанію, и пришедъ ко мнѣ, сказалъ видомъ и голосомъ показывающимъ удивленіе: *Боже мой! не Мисъ ли Анвиль это я вижу?* Я почувствовала тогда глупость моего поступка и замѣшательство моего положенія; я спѣшила сказать ему заикавшись, что ожидала Гжу. Мирвану; но услышала, къ большему моему смятенію, что она уже уѣхала.

Я не знала больше, что мнѣ дѣлать; ниже подумать я могла, чтобъ въ присутствіи Лордовомъ положиться на Г. Клемента; а съ другой стороны не могла рѣшиться пріобщиться паки къ Брангтонамъ, и оставаясь въ нерѣшимости, нечаянно вскричала: *Боже мой! что мнѣ дѣлать?*

О чемъ, вскричалъ Г. Клементъ, вы безпокоитесь, любезная Мисъ? Вы будете дома въ тужъ минуту съ Гжею. Мирваною.

Я ничего не говорила; Милордъ представлялъ мнѣ свою карету. Она здѣсь, государыня моя, и мои люди готовы исполнять повелѣнія Мисъ Анвили; меня отнесутъ въ портшезъ, и прошу васъ —

Я была весьма чувствительна за столь учтивое предложеніе, здѣланное съ такою нѣжностію; я бы охотно оное приняла, но не осмѣлилась. Г. Клементъ не допустилъ даже Лорда окончить, и прервалъ рѣчь его съ досадою, сказавъ: Милордъ, я велѣлъ уже подвезти свою карету. Въ самое то время его слуга пришелъ ему сказать, что карета подвезена. Онъ просилъ меня за нимъ слѣдовать, и счелъ за долгъ взять меня за руку. Я ее отняла; пожалуйте, сказала я ему, не принуждайте меня; позвольте мнѣ приказать себя отнести въ

портшезѣ. Никакъ не возможно, вскричалъ Г. Клементъ, какъ вы хотите, чтобъ я оставилъ васъ съ незнакомыми носильщиками? Что скажетъ Гжа. Мирвана? — Идите пожалуйте, вы будете дома чрезъ пять минутъ. Я все еще противилась. Съ какою бы радостiю желала я опять быть вмѣстѣ съ Гжею Дюваль и съ Брангтоновыми дѣтьми, естьли бы то было не при Лордѣ Орвилѣ! Но я ласкаюсь, что онъ примѣчалъ мое смятенiе и сожалѣлъ обо мнѣ; ибо сказалъ мнѣ прiятнѣйшимъ голосомъ: излишне будетъ, государыня моя, вамъ предлагать мои услуги въ присутствiи Г. Клемента Виллугбiя. Но не сумнѣвайтесь, сколько былъ бы я щастливъ, естьлибъ могъ быть вамъ хоть немного полезенъ! Я его за то благодарила, а Г. Клементъ торопилъ меня ѣхать. Въ сiе отчаянное время опера кончилась, и всѣ выходили толпами, и тогдажъ услышала я голосъ Гжи. Дюваль, шедшей съ галлереи. Естьлибъ Милордъ Орвиль повторилъ свое предложенiе, то я бы конечно оное приняла, не смотря на Г. Клемента; время накороткѣ было и не могла я тогда уже больше ни минуты терять. Скоро, вскричала я, когда уже нанадобно мнѣ ѣхать. — Я тутъ остановилась; но Г. Клементъ взявъ меня за руку, поса-

дилъ въ свою карету, самъ вскочилъ въ оную и кричалъ кучеру: *въ Квинъ-стритъ*!

Милордъ Орвиль поклонился мнѣ съ улыбкою и пожелалъ мнѣ *добраго вечера*. Я рѣшилась ничего не говорить во всю дорогу; но Г. Клементъ скоро нашелъ случай меня заставить говорить. Онъ началъ жаловаться на мою къ нему недовѣрчивость, и просилъ обьявить на то причины. Не имѣвъ лучшаго отвѣта въ готовности, я ему сказала, что опасалась заставить его время терять понапрасну. Ахъ! вскричалъ онъ, схватя меня за руку, естьли бы вы знали, съ какимъ удовольствіемъ пожертвовалъ бы я всѣми минутами моей жизни, то конечно бы не обижали меня такимъ извиненіемъ. Онъ продолжалъ симъ хорошимъ слогомъ, а я не могла ему отвѣчать ни слова; старалась только объ освобожденіи моей руки, которую онъ сжималъ между своими, не смотря на мои усилія. Скоро послѣ того онъ мнѣ сказалъ, что онъ думаетъ, что кучеръ съ дороги збился; онъ позвалъ своего слугу, далъ свои приказанія, по томъ опять продолжалъ свой разговоръ. Сколь кратъ и съ какимъ тщаніемъ старался я найти случай поговорить съ вами безъ свидѣтелей! щастіе споспѣшествуетъ мнѣ въ сію минуту: позвольте

мнѣ не упустить онаго; также позвольте, чтобъ я клялся вѣчною моею къ вамъ любовію.

Сіе нечаянное открытіе было для меня громовымъ ударомъ. Я молчала съ минуту, и сколь скоро опомнилась, сказала ему: государь мой! естьли вы намѣрены заставить меня сожалѣть, что я безразсудно оставила мою компанію, то вы въ томъ удивительно хорошо успѣваете. Сей отвѣтъ подалъ поводъ къ новымъ увѣреніямъ сильнѣе еще первыхъ; а я безъ всякаго вниманія примѣчала съ удивленіемъ, что мы еще не пріѣхали въ Квинстритъ, и просила Г. Клемента приказать кучеру поспѣшнѣе ѣхать. И сіе краткое время, первое моего щастія, развѣ кажется уже вамъ долгимъ? Я начала страшиться, что не по нарочному ли приказанію кучеръ сшибся съ дороги, и сія мысль безмѣрно меня потревожила. Я опустила стекло, и усиливалась отворить дверцы въ томъ намѣреніи, чтобъ выскочить на улицу. Г. Клементъ меня удержалъ: „Ради Бога! что вы хотите дѣлать„? Сама не знаю, вскричала я запыхавшись; но я увѣрена, что сей человѣкъ збился съ дороги; и ежели вы не хотите сами съ нимъ о томъ говорить, то я въ сію же минуту выпрыгну изъ кареты. Вы

меня ужасаете. (Онъ все держалъ объ мои руки). Чего вамъ опасаться? развѣ вы не увѣряетесь на мою честность? — Нѣтъ, государь мой, — никакъ нѣтъ; но Гжа. Мирвана, сколь она будетъ безпокоиться! — Къ чему всѣ сіи безпокойства, любезнѣйщей мой Ангелъ! чего вы боитесь? — Жизнь моя совсѣмъ вамъ предана; развѣ вамъ мало моего покровительства? Въ самое то время поцѣловалъ онъ мою руку. Естьли вы не намѣрены меня умертвить, вскричала я, то пустите меня вытти по состраданію. Успокойтесь, отвѣчалъ онъ мнѣ, моя дражайшая жизнь; я здѣлаю все, что вамъ угодно, и позвавъ кучера, велѣлъ ему поспѣшать. Онъ распространялся въ своихъ увѣреніяхъ о честности и почтеніи ко мнѣ, просилъ у меня прощенія за учиненную имъ мнѣ обиду, и всячески уговаривалъ меня не имѣть объ немъ худаго мнѣнія. Я ничего не отвѣчала; боялась его слишкомъ много, потому не хотѣла ему въ томъ упрекать; а великая моя на него досада удерживала меня ласково съ нимъ говорить.

Мы проѣхали нѣсколько улицъ, когда сильно испугавшись, я вдругъ услышала, что онъ закричалъ кучеру остановиться.

МисЪ Анвиль, сказалЪ онЪ мнѣ, мы теперь только за двапщать шаговЪ отЪ вашего дома; я не хочу васЪ оставить, прежде нежели вы будете столь великодушны, что простите меня; обѣщайте мнѣ ничего не открывать о произшедшемЪ Гжѣ. Мирванѣ. Я колебалась между страхомЪ и негодованіемЪ. — Сіе принужденное молчаніе умножаетЪ мое прискорбіе вЪ томЪ, что я васЪ раздражилЪ, и доказываетЪ мнѣ малую надежду, которую я могу имѣть вЪ полученіи испрашиваемой мною у васЪ милости. ИнЪ я не стану васЪ больше трудить, и не только не хочу у васЪ насильно вырвать вашего обѣщанія, но полагаюсь во всемЪ на ваше великодушіе. Сей поступокЪ укротилЪ меня; онЪ не успѣлЪ еще примѣтить онаго, какЪ уже старался воспользоваться онымЪ; онЪ упалЪ на колѣни и извинялся предо мною такими почтительными словами, что истинно я не могла его не простить. Я краснѣлась, видя его вЪ такомЪ уничижительномЪ тѣлоположеніи; и дабы скорѣе то прекратить, я ему вновь обѣщала не жаловаться на него Гжѣ. Мирванѣ. Я можетЪ быть должна была строже восчувствовать дерзкой поступокЪ Г. Клемента, но я сама по своей неосторожности и гордости подверглась оному. Я всяче-

ски потщусь впредь избѣгать случая находиться съ нимъ вмѣстѣ на единѣ.

Наконецъ мы подъѣхали къ нашему дому: Мисъ-Мирвана меня встрѣтила, сопровождаемая Милордомъ Орвилемъ. Представьте себѣ мое смятеніе. Милордъ видѣлъ меня поѣхавшую съ Г. Клементомъ, зналъ, сколько времяни я была съ нимъ. Сіе размышленіе весьма меня поражало, и я не имѣла ничего, чтобъ могла сказать къ моему оправданію.

Все семейство приняло меня весьма ласково; Лордъ сказалъ имъ, что я уже не съ Гжею. Дювалью, и они крайне удивлялись столь медлительному моему возвращенію. Г. Клементъ казался, какъ будто весьма огорчался, и сказывалъ имъ, что кучеръ не понявъ его, завезъ насъ на конецъ Пикадилли. Не смѣя прекословить, я не хотѣла однакожъ утверждать того, что несправедливо.

Милордъ Орвиль поздравлялъ меня весьма учтиво, что безпокойства сего вечера столь благополучно окончились, и притомъ примолвилъ, что никакъ не могъ уѣхать, чтобъ не освѣдомиться обо мнѣ. Скоро послѣ того онъ уѣхалъ съ Г. Клементомъ; какъ они поѣхали, то Гжа. Мирвана весьма тихимъ образомъ здѣлала мнѣ выговоръ за то,

что я оставила Гжу. Дюваль. Я обѣщала ей быть впредь осторожнѣе, и конечно сдержу свое слово.

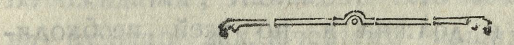
Я не могла во всю ночь закрыть глазъ. Кто знаетъ, не въ тѣхъ ли мысляхъ Милордъ Орвиль обо мнѣ, что свиданіе мое съ Г. Клементомъ въ галлереѣ было умышленно? Кто знаетъ, не подозрѣваетъ ли онъ меня согласившуюся на сіе медлительное ночное гуляніе? По крайней мѣрѣ моглабъ я показать досаду за мнимую кучерову ошибку!

Но что сказать о его уваженіи въ пріѣздѣ его еще тогожъ вечера, чтобъ обо мнѣ навѣдаться? Ежели я въ ономъ хотя и нахожу нѣсколько недовѣрчивости; однакожъ она не меньше доказываетъ нѣкоторое съ его стороны безпокойствіе; и дѣйствительно Мисъ-Мирвана мнѣ сказывала, что онъ очень безпокоился о моемъ столь нескоромъ возвращеніи; что онъ даже выходилъ изъ терпѣнія. Ежели я не слишкомъ себя обольщаю, то даже бы подумала, что онъ предузнавалъ намѣренія Г. Клемента, и страдалъ обо мнѣ.

Какое предлинное письмо! однакожъ я надѣюсь, что сіе будетъ послѣднее, кое пишу изъ Лондона: ибо я слышала сего утра отъ Капитана, что отправимся въ пред-

будущій вторникЪ. Гжу. Дюваль увѣдомятЪ сего дня о семЪ намѣреніи, она пріѣдетЪ кЪ намЪ обѣдать. Вѣроятно, что буду я терпѣть отЪ нее всю ея досаду; я оную снесу терпѣливо, ибо весьма заслужила оную.

Прощайте, милостивой мой государь! естьли сіе письмо заслуживаетЪ ваше осужденіе, то я еще больше буду разкаеваться вЪ неосторожномЪ моемЪ вамЪ признанномЪ поступкѣ.

ПИСЬМО XX.

Продолженіе письма Евелины.

Гжа. Дюваль, какЪ я оное уже и предвидѣла, весьма на меня вчера досадовала; она меня бранила около двухЪ часовЪ за то, что какЪ я осмѣлилась оставить ее, не дождавшись ея отвѣта; она угрожала меня тѣмЪ, что никогда впредь не возметЪ меня сЪ собою вЪ публичныя собранія, естьли я опять то же сдѣлаю. Г. КлементЪ также ей не понравился, для того, что не сказалЪ ей ни слова; и кЪ тому же, что онЪ вЪ спорахЪ ея сЪ КапитаномЪ бываетЪ всегда ея сопротивникомЪ. ТотЪ же за честь почитаетЪ вступаться за своего друга, по-

чему и дѣлается между ими споръ не по вкусу нынѣшняго просвѣщеннаго свѣта.

Послѣ обѣда Гжа. Мирвана обратила разговоръ о приближающемся отъѣздѣ нашемъ изъ Лондона. Сіе объявленіе произвело самую неблагопріятственную сцену. Гжа. Дюваль неотмѣнно хотѣла, чтобъ я осталась съ нею въ городѣ; но Гжа. Мирвана дала ей почувствовать, что будучи я приглашена посѣтить Лади-Говарду, откуда отлучилась только на нѣсколько дней, слѣдовательно и должна я по всей необходимости тѣмъ же путемъ съ нею возвратиться. Я надѣялась, что Гжа Мирвана согласитъ Гжу. Дюваль честностію и тихостію. Но вспыльчивость Капитанова все испортила. Онъ столько ее огорчилъ, что кончила, заклинаясь, лучше де въ судѣ просить будетъ, нежели со мною разстанется.

Заключеніе сего разговора было такое, дабы отвратить всѣ затрудненія, что она съ нами поѣдетъ въ Говардъ-Гроу, куда рѣшительно возвратимся въ будущую середу. Гжа. Мирвана пишетъ сего дня къ Лади-Говардѣ, съ тѣмъ, чтобъ предупредить ее о нечаянномъ прибытіи нашей подруги въ дорогѣ; безъ сего предувѣдомленія присутствіе Гжи. Дюваль могло бы нанести удивленіе не очень пріятное. Я не могу довольно нахва-

литься сею любезною Госпожею Мирваною; она безпрестанно только о томЪ и мыслитЪ, чтобЪ сдѣлать меня щастливою. Сего дня ввечеру мы поѣдемЪ вЪ ПантеонЪ; сіе будетЪ послѣднее наше вЪ ЛондонѢ увеселеніе.

P. S. Теперь только я получила ваше письмо милостей преисполненное. Ежели первая недѣля пребыванія нашего вЪ ЛондонѢ показалась вамЪ слишкомЪ наполненною забавами, то что вы скажете о нынѣшней? Во ожиданіи, ПантеонЪ сего вечера вѣроятно будетЪ заключеніемЪ нашихЪ публичныхЪ забавЪ.

Хотя я никогда не сумнѣвалась о подкрѣпленіи и покровительствѣ вашемЪ противЪ насильствія Гжи. Дюваль, однакожЪ усугубляемыя увѣренія ваши вЪ томЪ не меньше пріобрѣтаютЪ всю мою вамЪ благодарность. Привыкши быть любимою вЪ вашемЪ домѣ, щастливымЪ предметомЪ вашихЪ милостей, какЪ могу я рѣшиться, сдѣлаться подвластною мучительнымЪ прихотямЪ сея женщины? — Извините, ежели употребляю нѣсколько сильныхЪ выраженій; но мысль одна, чтобЪ проводить жизнь мою сЪ Гжею. Дюваль, и сравненіе отЪ того происходящее, заглаждаютЪ вдругЪ всѣ мои кЪ ней чувствованія. Вы пишете, государь мой, что не довольны Г. Клемен-

томѣ; я предполагаю, что поступокѣ его при выходѣ изѣ театра не подалѣ вамѣ лучшаго обѣ немѣ мнѣнія; чѣмѣ больше я о томѣ размышляю, тѣмѣ болѣе я на то досадую. Я была совсѣмѣ вѣ его власти, и онѣ тѣмѣ непростительнѣе былѣ виноватѣ, что употребилѣ столь жестоко во зло мое замѣшательство. Ахѣ! естьлибѣ я могла удостоиться, любезный мой государь, возсылаемыхѣ вами обо мнѣ молитвѣ и обѣтовѣ, всѣ бы желанія моего сердца совершились! Я ужасаюсь теперь, когда не могу получать вашихѣ премудрыхѣ назиданій, чтобѣ вы не нашли меня еще слабѣе и несовершеннѣе, нежели какѣ обо мнѣ мыслите.

ПИСЬМО XXI.

Продолженіе письма Евелины.

Я не знаю, что я сегодни вѣ такой тѣни грусти мысль мою погруженную ощущаю, кѣ чему я однакожѣ не была пріобычна. Приходитѣ время, вѣ которое мы оставимѣ Лондонѣ, и уже занимаемся пріуготовленіями кѣ отѣѣзду. И такѣ сіе письмо заключитѣ извѣстія о моихѣ приключеніяхѣ вѣ здѣшней столицѣ. Мы прі-

ѣхали въ Пантеонъ около осьми часовъ. Я удивилась красотѣ строенія, которое превосходило многимъ мое ожиданіе. Оно походитъ больше на церковь, нежели на мѣсто для забавъ. Удивясь великолѣпію залы, я не нашла въ оной ни веселости, ни вольности Ренелага; я скорѣе скажу, что оно имѣетъ нѣкоторую важность, которая приводитъ въ почтеніе; но однакожъ, можетъ быть оно производитъ такое дѣйствіе надъ такими неопытными, какъ напримѣръ я.

Наша компанія состояла изъ Капитана, Гжи. и Мисъ Мирванъ. Гжа. Дюваль провела весь день въ городѣ, и я тѣмъ ни мало не огорчалась.

Собраніе было многочисленно; прежде всѣхъ увидѣли мы Г. Клемента Виллугбія. Онъ къ намъ подошелъ съ обыкновеннымъ своимъ видомъ знакомства, и пробылъ весь вечеръ съ нами. Присутствіе его меня безпокоило: я не могла ни глядѣть на него, ни слушать разговоры его, не приведя себѣ на мысль приключенія произшедшаго въ каретѣ; но къ большему моему удивленію, онъ совсѣмъ не оказывалъ вида смущеннаго, какъ ни сильны были впрочемъ причины ему своимъ поступкомъ стыдиться. Сіе безстыдство заставило меня сожалѣть о легкости, съ которою я его простила; малая жестокость сдѣлалабъ

его осторожнымъ. Посреди безпрестаннаго болтанія сыграли прекрасной концертъ. Вообще, гдѣ я ни находилась въ концертахъ, никогда не было тишины. Всѣ хвалятъ чрезвычайно музыку, но никто ее не слушаетъ.

Мы увидѣли Милорда Орвиля въ той залѣ, гдѣ пьютъ чай, которая очень пространна и находится внизу. Онъ пришелъ къ намъ; я бы желала знать, какое впечатлѣніе сдѣлало въ немъ послѣднее мое неблагоразумное поведеніе; но я ни одного раза не имѣла случая съ нимъ говорить, не бывъ слышима Г. Клементомъ. Сей наипаче казался отмѣнно услужливымъ и при всякомъ словѣ, мною произнесенномъ, онъ наклонялся ко мнѣ, какъ будто бы я къ нему особенно рѣчь мою простирала: однакожъ ни чуть не было моего къ тому намѣренія; ибо не только чтобъ съ нимъ разговаривать, я даже не хотѣла и смотрѣть на него.

Гжа. Мирвана хотя и ничего не знала о приключившемся въ оперѣ, однакожъ не похваляетъ излишнюю привязанность Г. Клемента; она мнѣ дала примѣтить, что не прилично молодой дѣвицѣ столь часто казаться въ публикѣ съ однимъ кавалеромъ, и я увѣрена, что она проговорила бы о томъ и Капитану, естьлибъ пребываніе наше въ

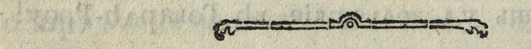
Лондонѣ продолжилось. Онъ только одинъ вводитъ Г. Клемента въ нашу бесѣду; за одно короткое его обхожденіе уже не могъ бы онъ принять быть къ намъ.

Пока пили чай, разговаривали о времени, о модахъ, о публичныхъ собраніяхъ, и все то, что Лордъ ни произносилъ о сихъ разныхъ предметахъ, послужили только къ моему удостовѣренію, что онъ придавалъ вкусъ къ разуму несказанно просвѣщенному.

Гжа. Мирвана сказала ему о нашемъ отъѣздѣ въ деревню, и что по видимому тамъ на долго останется наше пребываніе. Казалось, что сіе обьявленіе не безъ грусти онъ услышалъ, и оказалъ намъ свое сожалѣніе съ такою учтивостію, ласковостію и съ такою важностію, что я сама почти отъ того была въ огорченіи. Естьлибъ я прямо въ Беррн-тиль отъѣзжала, то я увѣрена, что кромѣ радости ничего бы не чувствовала; но съ Гжею. Дювалею какое я могу ожидать удовольствіе въ Говардъ-Гроу! Г. Клементъ покушался неоднократно говорить мнѣ на ухо, увѣряя, сколько онъ страждетъ моимъ отъѣздомъ, и сколь онъ о немъ сожалѣетъ; но я не въ духѣ была, и ничего ему не отвѣчала; между тѣмъ онъ такъ вкрался въ дружбу Капитанову,

что сей просилъ его пріѣхать къ намъ въ Говардъ-Гроу. Сіе приглашеніе оказало удовольствіе на его лицѣ, и въ самое то время Милордъ Орвиль уѣхалъ. Безъ сумнѣнія онъ долженъ былъ досадовать на столь странной и невѣжливой разборъ. Не кстати было звать Г. Клемента въ его присутствіи, не здѣлавъ и ему того же учтивства. Онъ равномѣрно примѣтилъ привязанность, съ которою волочился за мною Г. Клементъ; и судя по учтивостямъ неприличнымъ Капитану, онъ долженъ предполагать, что сей воздыхатель благосклонно принятъ. Сія мысль меня мучитъ, и какъ ни стараюсь ее изгнать, она все возвращается. Прощайте, любезной мой государь, прошу немедленно ко мнѣ написать. Извините всѣ маловажности, о которыхъ я васъ увѣдомляла, всѣ проступки, въ коихъ вамъ призналась; и удостойте всегда имяни отца и друга вашей

Евелины.

ПИСЬМО XXII.

Отъ Г. Вилларса къ Евелинѣ.

Благодарю Бога! что опять могу писать къ тебѣ письма въ Говардъ-Гроу. Ахъ!

моя любезная Евелина, естьлибъ ты знала, сколько мое сердце рвалось во время пребыванія твоего въ Лондонѣ! Колебаясь всегда между страхомъ и надеждою, я прочитывалъ твои ежедневныя письма съ великимъ примѣчаніемъ. Я весьма худо разумѣю о Г. Клементѣ Виллутбіи; почитаю его хитрымъ и предпріимчивымъ человѣкомъ; мнимая его страсть къ тебѣ не имѣетъ ни малѣйшаго основанія ни чистосердечности, ни честности; какимъ образомъ онъ началъ оную производить, и случаемъ имъ изыскиваемымъ тебѣ о ней говорить, подходитъ къ обидѣ. Какое щастіе, другъ мой, что ты избавилась отъ угрожавшей тебѣ отъ него опасности, я не хочу тебѣ оною упрекать; но не было тутъ никакого благоразумія довѣряться такому человѣку, котораго столь мало знаешь, и его легковѣрность должна была тебя предостеречь изувѣрчивостію. По щастію, кажется, что онъ не предуспѣлъ въ твоихъ благосклонностяхъ; нѣсколько бы поосторожнѣе и разсудительнѣе, вотъ что бы довольно было укрыть тебя отъ всѣхъ полагаемыхъ мною въ немъ замысловъ.

Милордъ Орвиль кажется совсѣмъ иной человѣкъ. Поступокъ его и обхожденіе съ тобою послѣ оперы подаютъ мнѣ хорошее

мнѣніе о его разумѣ и сердцѣ. Безъ сумнѣнія онъ зналъ, чему ты себя подвергала съ симъ Г. Клементомъ, и онъ поступилъ такъ, какъ честной человѣкъ, увѣдомя немедленно о твоемъ состояніи домъ Мирвановыхъ. Мало можно сыскать молодыхъ людей, которые бы въ твоемъ защищеніи взяли такое участіе; большая бы часть предпочла, по пустой тонкости, оставить молодую невинную дѣвицу въ рукахъ своевольнаго пріятеля, нежели какъ подвергнуть себя ссориться съ нимъ, лиша его добычи.

Я предвидѣлъ, что тебѣ прискорбно будетъ оставить Лондонъ; но я желалъ бы, чтобъ ты меньше объ немъ огорчалась. Я сначала уже страшился, чтобъ тебѣ не понравилась роскошная жизнь; сіе-то часто меня заставляло тужить о согласіи данномъ мною къ сему путешествію, въ коемъ не имѣлъ силы тебѣ противиться.

Ахъ! другъ мой, откровенность твоего нрава и простота воспитанія неудобны для скользкихъ стремнинъ большаго свѣта. Темнота еще зыблющаяся въ участи твоего рожденія подвергаетъ тебя тысящекратнымъ неблагопріятственнымъ приключеніямъ.

Во всегдашнее время намѣренія мои и надѣянія о будущемъ твоемъ состояніи, не далѣе уединенной деревенской жизни про-

стирались. Естьли Евелина моя удовольствуется таковою жизнію, то я увѣренъ, что она всегда будетъ украшеніемъ всего околотка, возвышеніемъ и наслажденіемъ ея семейства: любима въ маломъ кругѣ общества, ея состоянію приличествующаго, будетъ заниматься безвинными и полезными упражненіями, которыя утвердятъ ей преданность ея друзей, и вожделѣніе ея собственнаго сердца.

Таковы были и теперь суть еще мои надѣянія; не упраздни ихъ, любезное дитя, и докажи мнѣ, что двѣ недѣли пребыванія твоего въ Лондонѣ не похитили трудовъ семнадцатилѣтняго попеченія.

ПИСЬМО XXIII.

Отъ Евелины къ Г. Вилларсу.

Нѣтъ, любезной мой государь, труды толикихъ лѣтъ не истреблены; они таковы же, какъ и прежде были, и надѣюсь, что двѣ недѣли проведенныя мною въ Лондонѣ не сдѣлали меня недостойною отеческихъ вашихъ обо мнѣ попеченій. Однакожъ должна вамъ признаться, что я не такъ щастлива, какъ была прежде поѣздки моей

въ столицу; но не я перемѣнилась, а мѣсто пребыванія нашего. По пріѣздѣ Г. Капитана и Гжи. Дюваль, Говардъ-Гроу здѣлался не тотъ, каковъ былъ; владычествовавшій въономъ порядокъ поколебленъ, намѣренія наши ниспровергнуты, обращеніе нашей жизни перемѣнилось, всѣ наши увеселенія изчезли. Но не подумайте, государь мой, чтобъ Лондонъ былъ причиною сего превращенія: нѣтъ, сія перемѣна была неизбѣжна съ гостьми съ нами пріѣхавшими.

Я увѣренною пребывала, что вы будете не довольны Г. Клементомъ Виллугбіемъ, и ни мало не удивляюсь тому, что вы о немъ говорите: но что касается до Милорда Орвиля, я весьма опасалась, чтобъ легкое начертаніе, которое я вамъ объ немъ сдѣлала, не было недостаточно возбудить въ васъ доброе о его достоинствѣ мнѣніе; однакожъ я радуюсь, что могла доставить вамъ его дружбу. Ахъ! естьлибъ я могла отдать справедливость всѣмъ его добрымъ качествамъ! — представить его вамъ такимъ, какъ онъ *въ глазахъ моихъ* кажется — сколько бы вы возъимѣли къ нему почтенія!

Прощайте, любезной мой государь, я надѣюсь, что вы столько были милостивы, и безъ прозьбы моей доселѣ напоминали обо мнѣ всѣмъ освѣдомлявшимся обо мнѣ.

ПИСЬМО XXIV.

Отъ Евелины къ Г. Вилларсу.

Я пишу къ вамъ, любезной мой государь, въ чрезвычайномъ возмущенiи; Гжа. Дюваль сдѣлала мнѣ предложенiе, которое меня чрезвычайно устрашаетъ: оно вамъ самимъ покажется столь неожиданнымъ, сколь и отвратительнымъ.

Проводя нѣсколько часовъ сегодня послѣ обѣда въ *чтенiи полученныхъ* ею изъ Лондона писемъ, велѣла позвать меня въ свою *комнату*. Я тотчасъ къ ней пришла и нашла ее весьма веселою. Поди сюда, сказала она мнѣ, мое дитя! я имѣю весьма прiятныя вѣсти тебѣ сказать; я увѣрена, что ты онымъ удивишься, обрадуешься, ибо никакъ ихъ не воображаешь.

Я просила ее растолковать оныя; и такъ она пустилась въ разговоры. Она сказала, что ей досадно, что изъ меня сдѣлали необтесаную деревенщину, когда я рождена съ тѣмъ, чтобъ быть знатною и хорошею госпожею: что она уже часто стыдилась за меня, хотя и не отъ меня происходила ошибка, ибо никакъ не льзя требовать больше сего отъ такой дѣвушки, которая весь свой вѣкъ въ четырехъ стѣнахъ заколоче-

на была; что однакожъ есть у нее намѣреніе ею сдѣланное, которое преобразитъ совсѣмъ мое твореніе. Я ожидала съ нетерпѣливостію конца сего предувѣдомленія; но въ какой пришла ужасъ, когда сказала мнѣ, что намѣреніе ея есть, чтобъ истребовать права мои судебнымъ порядкомъ, и взять имѣніе мнѣ принадлежащее по фамиліи моей! Трудно вамъ описать мое смятеніе, и я не была въ состояніи ни одного слова промолвить.

Она начала мнѣ подробно разсказывать о тѣхъ выгодахъ, которыя произойдутъ отъ исполненія сего намѣренія; говорила съ восхищеніемъ о будущемъ моемъ величіи, давъ мнѣ почувствовать, сколько мнѣ можно будетъ презирать тогда всѣхъ тѣхъ людей, съ которыми я доселѣ жила. Предсказывала мнѣ самыя знатныя женидьбы и союзы съ первыми фамиліями въ Королевствѣ; наконецъ дала мнѣ знать, что надобно мнѣ провести нѣсколько мѣсяцовъ въ Парижѣ для окончанія моего воспитанія. Между симъ разговоромъ позвали насъ пить чай. Гжа. Дюваль была въ восхищеніи, а я никакъ не въ силахъ скрыть свое смятеніе; всѣ у меня спрашивали причины онаго. Я старалась отвратить разговоръ; но Гжа. Дюваль находилась въ избыткѣ своего сердца

излить все наружу. Она объявила, что я уже скоро не буду носить имя Анвили, и перемѣню его замужствомъ.

Лади-Товарда примѣтивши мое замѣшательство, просила Гжу. Дюваль отложить сіе до другаго времени. Но желаніе ея было столь сильно разгласить свою тайну, что не терпѣла ни малаго отлагательства. Она разсказывала свое намѣреніе съ великимъ доброхотствомъ, сердечно радуясь, что оное на мысль ей пришло: однакожъ не долго пользовалась сею честію. Какъ-то проболталась она, что настоящіе сочинители сего намѣренія суть Брангтоны, ея родня, и что они ей первое предложеніе о томъ сдѣлали въ полученномъ ею отъ нихъ сего числа письмѣ. Прибавила къ тому, что не будетъ въ длинной ящикъ откладывать, но немедленно вступитъ въ судъ для доказательства законнымъ порядкомъ моего рожденія, настоящаго моего имяни, и правъ къ наслѣдству предковъ моихъ имѣнія.

Не удивляетесь ли вы услужливой глупости сихъ Брангтоновъ? Какая имъ нужда вмѣшиваться въ мои дѣла? Вы не можете себѣ представить, какое возмущеніе причиняетъ сіе намѣреніе въ Товардъ-Гроу. Капитанъ ничего не разсмотря, тотчасъ началъ оспоривать Гжу. Дюваль, и пере-

спорились о сей матеріи съ великимъ жаромъ. Гжа Мирвана сказала, что никакую сторону не возметъ, не посовѣтовавъ прежде съ вами. Но Лади-Говарда къ великому моему удивленію объявила, что она совершенно согласна съ мнѣніемъ Гжи. Дюваль: она будетъ о томъ къ вамъ писать, съ тѣмъ, чтобъ вамъ сообщить ея разсужденія. Что касается до Мисъ Мирваны, то сія половина меня самой раздѣляетъ со мною весь мой страхъ и упованіе; я сама не знаю, что говорить, и чего желать. Часто чувствовала, сколь тяжко имѣть родителя и лишиться на вѣкъ его лицезрѣнія; но не меньше также и то въ мысли моей многократно подтверждала, сколь сія отдаленность для меня можетъ быть выгодна.

Однакожъ быть забвенной виновникомъ моей жизни, такъ, что даже не удостоитъ освѣдомленіемъ о добромъ здоровьѣ, о благосостояніи, ниже о существованіи своей дочери, сія мысль одна, признаюсь, не покидаетъ меня и крайне утнѣтаетъ. Безъ васъ такое оставленіе сдѣлалось бы для меня несноснымъ; ваши благодѣянія воспрепятствовали мнѣ возчувствовать всю горесть онаго. Но каково должно быть состояніе отца отъ меня отрекающагося? Надобнобъ было, чтобъ я потеряла не только дѣтскую привязан-

ность, но даже всякое чувствованіе человѣчества, естьли бы такое воспоминаніе не раздирало моего сердца.

Я опять повторяю, государь мой, не знаю, чего мнѣ должно желать. Разсудите за меня, и позвольте, чтобъ слабое мое сердце, которое не знаетъ, на которую сторону обратить свое упованіе, не признавало инаго руководителя, кромѣ благоразумія и добрыхъ совѣтовъ вашихъ.

ПИСЬМО XXV.

Отъ Лади-Говарды къ Г. Вилларсу.

Предпріемлемой мною чрезъ сіе поступокъ долженъ служить вамъ, любезной мой государь, величайшимъ доказательствомъ превосходныхъ мыслей, о праводушіи вашемъ мною соблюдающихъ. Я вздумала посовѣтовать съ вами въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ вы имѣете право ни съ кѣмъ не совѣтовать, кромѣ самихъ себя; но я знаю и то, что вы любя справедливость, не пожелаете сильно придерживаться принятому вами уже мнѣнію.

Гжа. Дюваль сдѣлала теперь предложеніе, которое возбудило всю нашу

фамилію, и которому я первая сопротивлялась; но разсмотря поприлѣжнѣе, препятствія онаго, кои я вѣ немѣ находила, изчезли. Оное касается прямо до того, чтобѣ начать тяжбу сѣ Г. Жономѣ Белмонтомѣ для утвержденія брака его сѣ Мисѣ Евелиною, и тѣмѣ способомѣ обезпечить его имѣніе дочери его. Я предвижу, государь мой, что сѣ перваго взгляду сіе предпріятіе не удостоится благопріятія вашего; но знаю также и то, что вы непричастны такимѣ предразсудкамѣ, которые бы могли отвратить васѣ какимѣ либо малымѣ числомѣ непріятныхѣ обстоятельствѣ, естьли впрочемѣ основаніе предпріятія ведетѣ кѣ полезному предмету.

Ваша питомица обладаетѣ такими достоинствами, кои не дозволяютѣ ей быть погруженною вѣ нѣдрахѣ жизни деревенской. Она кажется на то рождена, чтобѣ быть украшеніемѣ общества. Природа одарила ее самыми драгоцѣнными качествами, а отличное воспитаніе вами вѣ ней впечатлѣнное, возвысили ея разумѣ до такого совершеннаго степени, которые рѣдко находятся вѣ ея лѣта. Одно только преимущество стяжанія обошлось сѣ нею не весьма благополезно; нынѣ кажется, какѣ будто желаетѣ оно исправить свою винность, и от-

крываетъ ей теперь путь къ достиженію того, что оставалось намъ желать для нее.

Мнѣ не извѣстны, государь мой, тѣ причины, которыя васъ склонили съ такимъ тщаніемъ скрывать рожденіе и имя сей любезной дѣвицы, и по чему вы также прежде не доказали правоту ея требованій; но зная ваши сродныя свойства и разборчивость, уважаю ваши причины, не входя въ размышленіе объ оныхъ; хочу только уповать, что не будутъ непреоборимы; ибо я не могу себѣ представить, чтобъ судьба опредѣлила къ уединенію молодую особу, сотворенную для украшенія свѣта.

Я увѣрена, что Г. Жонъ-Белмонтъ какъ бы золъ ни былъ, увидя сію совершенную дѣвицу, превознесется тѣмъ, что признавъ ее своею дочерью, сдѣлаетъ ее наслѣдницею своего имущества. Одна красота ее произвела въ Лондонѣ всеобщее удивленіе; и Гжа. Мирвана мнѣ призналась, что она нашла бы тамъ самыя знатныя женидьбы, естьлибъ не препятствія ея рожденія, котораго старались даже узнать тайну.

Справедливо ли, государь мой, чтобъ молодая особа, обѣщающая уже столь много, была лишена богатства и чести, которыя ей принадлежатъ по всѣмъ правамъ,

и съ коими вы преподали ей наставленіе столь благородно обходиться? Чрезъ два года, можетъ быть уже будетъ поздо наше намѣреніе произвести въ дѣйство. Г. Белмонтъ хотя еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ, но ведетъ жизнь свою распутно, и не можетъ долго жить, и мы будемъ сожалѣть не во время, что не дѣйствовали при его жизни; ибо по смерти его всѣ споры съ его наслѣдниками будутъ или недѣйствительны или же тщетны.

Извините, государь мой, ревность, съ которою къ вамъ отношусь; но я беру участіе въ вашей воспитанницѣ съ такою чувствительностію, сколь можно принимать горячо къ сердцу дѣло, которое касается до благосостоянія всей ея жизни.

Прощайте, любезной мой государь, я ожидаю въ самой скорости получить на сіе вашъ отвѣтъ.

ПИСЬМО XXVI.

Отъ Вилларса къ Лади-Говардѣ.

Письмо ваше, милостивая моя государыня, открываетъ мнѣ новой источникъ безпокойствія; оно мнѣ предвѣщаетъ много

бѣдъ, и не знаю, какъ ихъ предупредить. Съ крайнимъ прискорбіемъ чувствую себя принужденнымъ противиться вашему мнѣнію, которое для меня тѣмъ горестнѣе, что мое сопротивленіе вамъ покажется нѣсколько страннымъ. Вы скажете, что я разсуждаю какъ старецъ, незнающій свѣта, и которому приличнѣе бы было пребывать въ своей кельи, нежели быть надзирателемъ надъ молодой дѣвицей; но помните, что вы меня вооружили, и слѣдственно я долженъ защищаться, оправдать тѣ мѣры, которыя бралъ до сего времени.

Мать моей воспитанницы, вовлеченная въ погибель своею неосторожностію, суровостію Гжи. Дюваль и предательствомъ Г. Белмонта, была для меня прежде сего то, что еще теперь дщерь ея. Я безпрестанно буду воздавать достойную честь памяти ея, и никогда не забуду обѣщанія, которое далъ ей торжественно при концѣ жизни ея, *что дочь ея никого не будетъ признавать отцемъ, кромѣ меня, и что естьли она когда нибудь выйдетъ изъ моего дома, то это для того только, чтобъ итти въ руки супруга достойнаго ея.* Я увѣряю васъ, милостивая моя государыня, что мнѣ весьма легко было здержать мое обѣщаніе, и что я никогда не льстился

доказать права воспитанницы моей. Могъ ли я любить сію бѣдную сироту, ненавидя виновника ея злоключеній? могъ ли я повѣрить дочь убійцѣ ея матери? Нѣтъ, я ненавижу даже имя сего человѣка; не могу слышать произношеніе онаго, и часто даже доходилъ до того, что былъ въ состояніи проклинать его. Не смотря на сіе, я никогда не думалъ удержать дочь его; для меня былабъ радость неописанная возвратить оную, естьли бы онъ только оказалъ хотя малѣйшее сожалѣніе, или человѣколюбіе; но до сихъ поръ онъ никакъ недостоинъ щастія нарещись отцомъ, ибо сей варваръ, отвергая всѣ чувствія природы, дотолѣ оказалъ свою окаменѣлость, что даже не навѣдался о жизни сей нещастной, хотя довольно зналъ, въ какомъ состояніи оставилъ свою супругу. По мѣрѣ, какъ она приходила въ возрастъ и совершенныя лѣта, и нравъ ея сталъ открываться; естественная откровенность, любезная простота, начертаніе цѣломудренности и невинности, сердце расположенное къ малѣйшимъ впечатлѣніямъ, всѣ сіи вмѣщающіяся въ ней качества влагали мнѣ въ мысль, что слѣдуя моему превождѣленію, я достигну къ установленію ея благополучія. Я долженъ былъ для нее опасаться дома, коего хо-

зяинѣ человѣкѣ безпутной и безѣ правилѣ, вѣ которомѣ бы она лишилась совѣтовѣ материнскихѣ, и даже присмотра всѣхѣ благоразумныхѣ особѣ, гдѣ бы, однимѣ словомѣ, ея погибель была неизбѣжна. Намѣреніе мое было не только воспитать и любить ее какѣ собственную мою дочь, но даже здѣлать ее наслѣдницею малаго моего имѣнія, и наконецѣ выбрать ей супруга, сѣ которымѣ бы она могла провождать благополучные и спокойные дни жизни своей, не будучи заражена порокомѣ и честолюбіемѣ.

Вотѣ исправной отчетѣ о всемѣ до сего времени происходившемѣ; таковы были побудительныя причины, отѣ которыхѣ я былѣ непоколебимѣ; ласкаюсь притомѣ, что они послужатѣ кѣ оправданію поступка, которой изѣ того произшелѣ. Теперь остается мнѣ сказать вамѣ, милостивая моя государыня, приличныя мѣры, кои должно взять для преду.

Множество препятствій вѣ пути предполагаются здѣсь, и я не уповаю превозмочь оныя по моимѣ сердечнымѣ желаніямѣ. Я безмѣрно почитаю ваше мнѣніе, и несказанно соболѣзную, что на сей разѣ оно не сходствуетѣ сѣ моимѣ; но со всѣмѣ тѣмѣ не основательно ли я думаю, что благопо-

лучіе моей Евелины гораздо будетъ твержe въ уединеніи, нежели въ вихрѣ большаго свѣта? Но къ чему послужатъ мои разсужденія? ибо дѣло касается до такой женщины, какъ Гжа. Дюваль. Могу ли я ожидать хотя малаго успѣха отъ того, что представлю для перемѣны ея мыслей? Нравъ ея жестокой и горячей препятствуетъ мнѣ даже и попытаться надъ онымъ; несмысленна, чтобъ допустила научить себя; слишкомъ упряма къ выслушанію моихъ представленій; а признаться, въ чемъ виновата, гордость ея уши затыкаетъ.

И такъ я воздержусь входить въ подробности, которыя неотмѣнно произведутъ непріятные споры; вопервыхъ я велегласно порицаю мысль судебной тяжбы, и ежели позволено старику сказать мнѣніе свое чистосердечно, то я безъ всякаго обиновенія признаюсь вамъ, милостивая моя государыня, сколько я удивился, что вы могли, хотя на минуту, слушать столь насильственное намѣреніе, влекущее въ слѣдъ за собою прискорбное обнародованіе, и которое совсѣмъ не сходствуетъ съ нѣжностію вашего пола. Я увѣренъ, что вы не разсмотрѣли всѣхъ сихъ неудобностей. Было время, когда я предлагалъ такое намѣреніе; но тогда касалось дѣло до оправданія невинности

Лади Бельмонты, открыть глаза публикѣ о проступкахъ ей приписываемыхъ; тогда совершенной недостатокъ помощи могъ здѣлать сію крайность нужною. Теперь причина уже не такого рода, и поздное возвращеніе Гжи. Дювали только служитъ къ воспоминовенію нещастія моего друга. Изберемъ мѣры не столь жестокія, покусимся склонить Г. Бельмонта тихостію; но сверьхъ того, чтобъ никогда не доходило до жалобы въ судъ. Съ Гжею. Дювалею безполезно будетъ выставливать чувствительность; надобно дѣлать ей представленія, согласующіяся съ образомъ ея мыслей; и такъ здѣлайте милость, государыня, дайте ей почувствовать, что слѣдуя ея мнѣнію мы не достигнемъ точной цѣли, которую она предполагаетъ, ибо Сиръ Жонъ всегда властенъ будетъ назначить требованія своей дочери столь маловажными, какъ ему угодно будетъ; а мы знаемъ, что онъ весьма въ состояніи поступить на все, ежели станутъ принуждать его. Гжа. Дюваль лучше ничего не можетъ здѣлать, какъ пребыть спокойною, и оставить совсѣмъ по суду отъискивать сіе дѣло; ненависть, столько лѣтъ продолжающаяся между ею и Г. Бельмонтомъ, не позволяетъ мнѣ ничего полезнаго заключать отъ ея посредства. Моя Евелина и

безъ того не прежде покажется, какъ когда обстоятельства того потребуютъ. Я и самъ не имѣю намѣренія дѣйствовать лично, а буду только продолжать преподавать вамъ мои совѣты; самъ никакъ не хочу связываться съ такимъ человѣкомъ, каковъ Сиръ Жонъ Бельмонтъ. Мнѣ кажется, милостивая моя государыня, что письмо отъ васъ подѣйствуетъ надъ нимъ лучше всего; оно убѣдитъ его больше всѣхъ нашихъ представленій. И такъ я согласенъ, чтобъ вы на себя взяли написать къ нему, дабы начать дѣло. Естьли напослѣдокъ согласится онъ видѣть Евелину, то я имѣю въ запасъ еще письмо, которое нещастная его супруга оставила у меня по смерти своей, чтобъ вручить ему, полагая, естьли когда-либо до подобнаго свиданія коснется.

Видно, что Брангтоновы выдумали сіе не иначе, какъ въ прибыльныхъ видахъ. Доставши Евелинѣ наслѣдство ея отца, они льстятся получить оное отъ Гжи. Дюваль, въ чемъ по моему мнѣнію они ошибаются. Женщины таковаго сложенія, какова она, любятъ оставлять свое богатство тѣмъ людямъ, кои не имѣютъ въ немъ нужды; а ежели бы наша молодая пріятельница была богата, я увѣренъ, что ея бабка тѣмъ бы склоннѣе была подавать ей какія нибудь выгоды.

Я присоединю еще размышленіе, отъ коего мнѣ не льзя будетъ отступить: я далъ клятву Лади Бельмонтъ, что никогда не потерплю, чтобъ дочь ея признана была прежде, нежели она сама возвратитъ свое право. Сіе должно быть исполнено, и прошу васъ милостивая моя государыня, на томъ точно настоять.

Я есмь съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч. и проч.

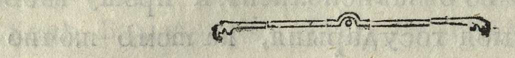
Артуръ Вилларсъ.

ПИСЬМО XXVII.

Отъ Г. Вилларса къ Евелинѣ.

Я беру искреннее участіе въ новыхъ печаляхъ, которыя ты чувствуешь, любезная моя Евелина. Пагубное намѣреніе, которое предпринимаютъ нынѣ, совсѣмъ противно моему мнѣнію и вкусу: однакожъ нѣтъ способа воспрепятствовать оному. Естьли бы мнѣ послѣдовать движеніямъ моего сердца, то должнобъ тотчасъ отозвать тебя къ себѣ, чтобъ никогда уже не разлучаться съ тобою; но мнѣніе свѣта и привычка требуютъ иныхъ мѣръ. И такъ надѣйся лучшаго, и будь увѣрена, что не будешь терпѣть поступки недостойные тебя. Естьли семья твоя не приметъ тебя такъ,

какъ должно, и со всѣмъ подобающимъ почтеніемъ, то не соединяйся съ нею; возвратись подъ мое покровительство, ты найдешь у меня покой, и продолжишь составлять все благополучіе моей жизни.

ПИСЬМО XXVIII.

Отъ Евелины къ Г. Вилларсу.

Жребій кинутъ, и съ трепетомъ ожидаю я окончанія онаго. Лади Говарда написала въ Парижъ, и послала письмо въ Лондонъ, чтобъ оно было запечатано въ одномъ пакетѣ съ Посланниковымъ; менѣе нежели чрезъ пятнадцать дней мы получимъ отвѣтъ. Какъ мнѣ хочется, государь мой, получить ево! оной долженъ рѣшить щастіе моей жизни. Мое безпокойствіе неизреченно, и ужасная неизвѣстность, въ которой я нахожусь, не даетъ мнѣ ни на минуту спокойствія; сей самой предметъ поглощаетъ всѣ мои мысли.

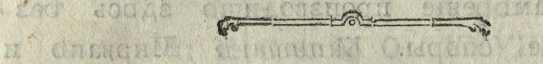
Участвуя теперь въ успѣхѣ сего дѣла, я искренно сожалѣю, что сіе намѣреніе здѣлано; не можно, чтобъ оно обратиться могло въ мою пользу: или я буду похищена изъ рукъ того, которой былъ мнѣ до

сихъ поръ въ мѣсто отца; или же я буду имѣть нещастіе узнать, что я оставлена навсегда тѣмъ, которой имѣетъ естественное право къ сему имяни: имя столь драгоцѣнное, которое я не могу выговорить, чтобъ сердце мое не вспламенилось всемъ жаромъ дѣтской нѣжности.

Сіе намѣреніе производитъ здѣсь безпрестанные споры. Капитанъ Мирванъ и Гжа. Дювалъ ссорятся, по ихъ обыкновенію, всегда, какъ о томъ ни заговорятъ; я сама занята своими собственными мыслями, чтобъ ихъ пренія въ примѣчаніе брать. Мое воображеніе представляетъ мнѣ ежеминутно новыя явленія; то думаю я лобызать нѣжнаго и сострадательнаго отца, открывающаго мнѣ свое сердце, изъ котораго, увы! я была столь долгое время въ изгнаніи: представляю себѣ раскаяніе его и слезы; слышу его призывающаго пепелъ моей матери, и просящаго у нее прощенія. — То мнѣ кажется, что я вижу его метающаго на меня гнѣвные взоры; онъ находитъ въ дочери своей не что иное, какъ образъ супруги, имъ оскорбленной, отталкиваетъ меня съ ужасомъ. О! отвратимъ сіи печальныя представленія, которыя начертаваетъ мнѣ мое воображеніе; они только огорчатъ васъ. Я буду всячески стараться взять

положеніе спокойнѣйшее; дотолѣ не буду писать къ вамъ. Да благословитъ васъ Небо, любезнѣйшій мой государь! да достигнете вы до отдаленнѣйшихъ предѣловъ жизни человѣческой, чтобъ дѣлать всегда щастіе вашей

Евелины.

ПИСЬМО XXIX.

Отъ Лади Говарды къ Сиру Жону Бельмонту, Баронету.

Государь мой!

Вы безъ сумнѣнія удивитесь, получа сіе письмо отъ особы, которую вы знали только въ лицо, и о которой такъ долго не слыхали; но причина, побуждающая меня къ вамъ писать, по важности своей, не дозволяетъ время терять въ извиненіяхъ. Излишне будетъ вамъ сказать, что дочь ваша все еще въ Дорсетширѣ, и что она живетъ еще въ домѣ у Г. Вилларса, гдѣ она родилась; правда, что до сихъ поръ никто еще объ ней не освѣдомлялся; но мы предполагаемъ, что изысканія, которыя вы конечно не преминули объ ней дѣлать, до насъ не дошли. И такъ я довольствуюсь къ тому только присовокупить, что воспи-

шаніе ея теперь свое окончаніе воспріяло, что она исполнила всю нашу надежду, и что она весьма любезна, достигла совершенныхъ лѣтъ, преизбыточествуетъ въ выполненіи всѣхъ достоинствъ. Какой бы ни былъ жребій, которой вы ей опредѣляете, пора уже утвердить его. Ею вообще всѣ восхищаются, и я не сумнѣваюсь, что вскорѣ представятся такіе случаи, которые утвердятъ ея благополучіе: и такъ не нарушая благопристойности нужно будетъ знать, какое можетъ быть ея упованіе и ваши соизволенія.

Будьте увѣрены, государь мой, что она заслуживаетъ все ваше вниманіе. Увидя ее, не можете не полюбить ее, и не оказать ей всей нѣжной любви, которою отецъ долженъ своей дочерѣ. Вы найдете въ ней начертаніе ея матери — извините, государь мой, что я напоминаю вамъ о сей нещастной женщинѣ; но я должна показать теперь привязанность, которую я къ ней имѣла. Память сей превосходной женщины довольно была терзаема злорѣчіемъ людей; время даровать возмездіе похищенной ея славѣ. Вы имѣете къ тому въ вашихъ рукахъ способы, и вы не можете здѣлать сіе пріятнѣе друзьямъ ея, честнѣе для васъ самихъ, какъ признавъ предъ всѣмъ свѣтомъ ваше

дитя, *дочерью покойной Лади Белмонты.*

Почтенной мужЪ, принявшій на себя ея воспитаніе, имѣетЪ право требовать вашей благодарности; онЪ исполнилЪ долгЪ попеченія своего сЪ превеличайшимЪ стараніемЪ и сЪ горячностію подлинно отеческою. Молодая Евелина щастлива тѣмЪ, что нашла такого друга и надзирателя, каковЪ онЪ. Я не знаю никого почтеннѣе, и котораго бы свойства подходили больше кЪ совершенству.

Позвольте мнѣ, государь мой, увѣрить васЪ, что сіе дорогое дитя щедро наградитЪ брагодарностію тѣ милости, которыя вы для нее дѣлать благоволите; ея нѣжность и послушаніе будутЪ для васЪ источникомЪ утѣшенія и постояннаго щастія. Она болѣе ничего не желаетЪ, какЪ быть законно признанною своимЪ отцемЪ, и посвятить жизнь свою, чтобЪ удостоиться вашей привязанности.

Мои представленія можетЪ быть и не будутЪ имѣть щастія вамЪ понравиться; но я полагаюсь на правоту моихЪ намѣреній; они должны служить мнѣ извиненіемЪ, и проч. и проч.

Марія Говарда.

Конецъ первой Части.

дитя … *ди Бел-*
монт …
Н … на себя ея
воспи … вать вашей
благо … долгъ попе-
ченія … стараніемъ
и съ … ескою. Мо-
лода … , что на-
шла … я, каковъ
онъ. … е, и кото-
раго … ьше къ со-
верш …
… й, увѣрить
васъ, … наградитъ
благо … оторыя вы
для … нѣжность и
послу … источникомъ
утѣ … Она болѣе
ниче … конно при-
знани … лить жизнь
свою, … вязанности.
… быть и не
буду … нравиться ;
но я … намѣреній ;
они д … емъ, и проч.
и пр …

… варда.

… ти.